

СМЕНА

3

1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Группа горнолыжников альпинистского лагеря спортивного общества «Буревестник» поднимается по каньону реки Амангуа (см. фотографии «Хорошо в горах», помещенный в этом номере «Смены»).

Фото В. Рудновца.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический
журнал Центрального Комитета ВЛКСМ
Февраль, № 3, 1958 год.

Год
издания
35-й

Завод имени Владимира Ильича —
один из старейших предприятий сто-
лицы. В его цехах трудятся много мо-
лодежи. В эти дни юноши и девушки
здесь встали на трудовую вахту и
честь XIII съезда ВЛКСМ. Комсомоль-
цы Владимир Гусев и Нина Осипова
заботятся в моторосборном цехе на
укладке роторов. Они ежедневно вы-
полняют сверхнормативное задание на 130—
140 процентов.

Фото П. Муразова.

БЫКНОВЕННАЯ РОМАНТИКА

Очерк

Когда я уже стал с чепухончиком у двери, Зоя не проронила до этого ни слова, вдруг сказала по-английски:

— Я знаю, почему тебе понадобилась Крайков с комсомольской шахтой. Чтобы уйти от меня! И даже с шумом залопулилась за мной. Доказала много делового, и пока я добирался туда, успела вылаяться вся жизнь. Детство мое не согрела отцовская забота: родной отец умер, когда мне минул год, а отчим, которого я уже тогда помню, погасил в 1943 году. Много работала, сильно уставала и часто болела; я больше хозяйничал один и, надо сказать, не всегда удачно.

Вот я собирался в школу, тщательнее укладывал в потертый портфель книги и тетради, заворачивая кроху хлеба, которого тоже было не всегда достаточно, и вместо школы уютом в правольно-степь попал в школу, где вечно пахнет душистыми травами, а осенью наперегонки мчатся перекати-поле.

Мы, ребята, совершенно убеждены, что здесь, в городском Риме, в давние времена жили настоящие сокровища. Когда-то в этих местах пеклась соль, по волнам ходили корабли пиратов, а потом вода ушла, и пираты, вместе с медью, где-то похоронили сказочные богатства.

Лопаты мы доставали у Сенины Герашенко, художе, вечно голодного пареня, моего одноклассника, и рылись в развалинах пещеры. По вечерам болели мускулы и ныла душа: ведь мать была уверена, что я акуратно посещаю школу. Каждый вечер я давал себе клятву исправиться и каждое утро утром уходил в школу. А сегодня лопата глухо ударила в какой-нибудь кованый сундук! Ради этой минуты были вскопаны горы земли.

Когда началась учеба в железнодорожном техникуме, затем — служба в армии, которая уже совсем «выпрала» мою биографию...

Но никогда не забыть мне запахи пещер и жемды приключений.

На парозероном заводе, куда направили меня из техникума, я работал и контролером-прямщиком и надсмотрщиком. Скоро женился на Зое, преподавательнице химии, и получил комнату.

Но едва я притащил свой единственный чепухон в эту светлую и уютную комнату с белыми сверкающими напольными плитками и сразу ушел в стену первый гвоздь для шинели и фуражки, что-то екнуло в моей душе, и какой-то голос спросил: «Куда не заблуди ты ты, Коля! Куда заблуди, закончившая свою мечту!»

Зоя, ничего не подозревая, вошла у кухонного столика и полочке, уже акуратно уставленных кастрюльками и мисками. Мне пришлось отогнать эту мышь и застроиться на другие размышления... Наконец-то я буду каждый день обедать, культурно отдыхать. Пугавца отогнать — пришьють, будешь выстроиться выждать. Если тоска на душе — выстрою, поговорю, если радость — разделяю эту радость. Все хорошо!

Но чувствую — не усидеть мне здесь, твоя мечта из этой комнаты куда-нибудь в Сибирь, в горы, в стройки, в тайгу. Ничего поделаться с собой не могу и рассказывать никому — засмеют.

— Ты с ума сошел, — проговорила Зоя, заставив. — Тебе так

позелозало к жизни, комнату получил после бесконечных обещаний. На заводе ты комсорг цеха. Пусть у тебя непонятно с администрацией, но неизвестно еще, кто прав. Сам ты рассказывал, у началька цеха бюрократические замашки... Что же это ты надумал! Только пожениться...

Она расплылась ахуецом, и слезы навернулись на глаза.

— Спокойся, Зоя. Я не хочу разрушать нашу семью. Мы, конечно, поведем вместе...

— Никуда! — резко сказала она. — От своего счастья не уезжаю!

— Но мое счастье там, понимаешь?... Менья твоя...

— Я думала, тебе то мне твоя ироническая замешка Зоя-Нангитаска!.. Впрочем, дело не во мне. Ты, наверно, само не раз попутал других, что надо уметь в буднях находить романтику. А теперь сам бежишь с завода, потому что нескучна эта мата. Сам сдирейфай, герой!

— Зоя! Послушай-ка...

— Ты просто гыди, которому не сидится на одном месте, — произнесла Зоя уже незлобно и рассказала любопытную историю об одном цыгане, который жил вместе с еврейскими в Горловке. Этот цыган давно распрощался с бродячей жизнью, стал переводчиком забойщиком, построил дом и жил, как и все шахтеры, в полном довольстве. Казалось, он забыл о шатре и телеге, в которых провел всю молодость под открытым небом. Но как только приближался отпуск, цыган-забойщик покупал лошадей и телегу, строил на ней навес, увеличил жену с ребятами, и — айда по асему Доббису на месяц ковытеть. На шатре уже сидит цыган Петро едет! Откупец месяц, продал лошадей и телегу, и — в забой, снова уполел на-горь выдывать.

— И ты такой же, мой цыганчонок, — закончила Зоя и обняла меня.

Где уж ты Сибирь!..

Но когда одной комсомолка обратилась с призывом: силами комсомольцев построим новые шахты в Кировском железорудном бассейне! — я понял, что на этот раз мне не усидеть.

Пошел в райком. Там поддержали меня. Первичная комсомольская организация тоже согласилась. Начальник цеха охотно инициативе, но мне хотелось еще лучше: «Не возражаю. Выдать расчет». Я, видимо, всевозможных надежд своей критикой. Райком выписал мне комсомольскую путевку. Мне хотелось ехать туда, где четверо наших заводских комсомольцев.

Все удалилось быстро. Но вот дома...

С горечью в душе шагал я на стацию.

Нас было сто сорок комсомольцев. Мы мечтали стать строителями, но не простыми, а непременно — строителями-инженерами. Чтобы были палатки на ветру, чтобы мы могли хлебнуть всяких трат: если надо — померзнуть, если надо — недоставать, если надо — самому сворить катушу... Поэтому и песни в путь были боевые, времен гражданской войны и первых пятилеток: «Наш паровоз, вперед лети» и «Наз устрою встреч прохлады». Поэтому и лица у всех вытянулись, когда вышли романтичных палаток мы увидели свежеебыеленные комнаты общежития.

— Да, иначе романтика не признавала вдовод Пустовой. Пустовой располагался в комнате... Не отдавал человеку соответствующих условий. Ты хочешь в палатку, а тебе в прекрасное общежитие засовывают. Ты хочешь померзнуть немножко для привычки, а тебе — центральное отопление... Что ни говори, а строителям Магнитки жить везеле!

Но уже наутро мы, новоиспеченные плотники и бетонщики, лицом к лицу столкнулись с романтикой... Знаете ли вы, что такое воротник ствоя шахты? Нам поручили его сооружение. Вокруг шахтного ствоя надо было возвести опалубку и забетонировать ее. Попробуй сделать это воротник, если дождь льет за воротник и сточные воды превращают землю в жидкое месиво! Я работал совкомой полотой до изнурения. Ноги промокли: резных сапог для асех не хатило. Ватник тоже промок насквозь. Утки лопнули с неприличия, на пальцах всплыли пузырьки. Когда мы собрались спать, словно тебе переломил пополам, а затем вновь склеили. Но самое главное — работа двигалась вперед черепашьими шагами, темная жепка грязи расплывалась вокруг и заливая все, что нам удавалось расчистить и отгородить досками.

— Вот это романтика, — кисло протянул слезарь нашего завода Анатолий Бессараб, когда мы собрались на перекуть. — Она уже пробралась ко мне за шиворот и стечает по шее. Я слышал, в каких местах грипп...

— Я не понимаю одного, — сказал кто-то. — Кому нужны эти искусственные трудности! Пусть нас используют как следует. Двадцатый век — век атома, а мы с лопатами копаемся в грязь...

Начался спор. Все петиционно, и было даже весело. Нашу дискуссию прервал сигнал сна обещания, но спор продолжался в общежитии, куда мы все же пришли с лопатами. Мне казалось, что спор этот продлится и до сей день.

Мы дружно пели по дороге до дома, и голоса наши гулко разносились по сумеречному рабочему поселку. Горняки смотрели на нас

с уважением, хотя мы еще ничего не построили. Сердце колотилось от счастья, когда мы шли по дневные азгды. Так солдат гордится собой на торжественном марше.

Никогда не забуду я и первых и последних дней нашей работы на шахте. Их разделил на две недели месяца, а вокруг уже возвышались многочисленные надшахтные здания, выкрашенные в розовый цвет — цвет Кировского бассейна. Везде висели розыгрыши розовые от рудной пыли!

Начальник участка прибыл к стене двухэтажного дома шахтоуправления мемориальную доску, надпись на которой гласила, что шахта является первым комсомольцем Днепропетровской области в рекордно короткий срок. Играла музыка, звучали речи, публиканы почетные значки, вручались грамоты.

Рядом со мной стояли четверо моих друзей: Пустовой, Орел, Гордиенко и Бессараб, — с которыми я прожил все это зрямя дружной «коммуной». Называли инкубаторами. Мы были — похороше друг на друга, как близнецы: носили одинаковые плащи, шляпы и костюмы, курили один и те же папиросы, заказывали один и те же блюда в столовой. Все заработанные деньги мы клали в общий котел и расходовали их с взаимного согласия.

Поодаль стояли и другие коммуны — бывшие колхозники из Невельского района и из Павлограда, выпускники-десятиклассники из Днепропетровска, ребята из детского дома, рабочие с металлургического завода — все стали строителями, прошли строувую школу, работали на этой кировской змле.

Вот бывшая колхозница Галина Сиротенко, в широким белом платочке, с огрубевшими и изъеденными ступнями, в первый раз первой дала бой бригадирю Неждану.

— Я пришла в бригаду каменщиков пять месяцев тому назад, а до сих пор не делала никаких работ. Я сказала, что не умею. В первый раз первой дала бой бригадирю Неждану. — Неждан поощбал золотые горы, а дальше пообещал: «Никуда. И еще надмашебает: «Гриппа хат комсомольцев». Поглядим, как работа пойдет. И даже когда работают мушкетеры, могут рывные стены гнать, могу и углои выводить, могу оконные столбики поднимать. А он меня все заставлял материал подносить и подвозить. Эй, дедка, кодай материалу! «Какого?» Ведро с водой. Я знаю, чего он хотел от меня и других девчат.

Галину поддержали, потому что Неждан был развратником. В первые порох он привлек нас своим открытым, дружеским отношением. Рассматривая на канате над стометровой пропастью, он учил нас, как спускаться и сплывать, и я, чувствуя вслед за ним, что это единственный провал, был благодарен ему за урок бестрашия.

Но он обманул нас. Мы только потому одурачили и поняли, что все свой, привлекательный, жалкий собственник и шкурник, который заболтался лишь о личных доходах. Он тайком ввел поборы с молодых, непонятных ребят, обманывавших и приписывавших зарплату нам помысли в разряде. Однажды он подошел ко мне и сказал:

— Тут такое дело, старшой... Надо сложиться по пятачке на ли-

ПРЕМИИ

Рассказ

будут устроены просто, спойно — сказал: «Вы выступите здесь как активный комсомолец, а как активный дезертир.

— Не все они дезертиры, между прочим, — басыт могучий Пухов, глубоко затаившись. Хватит нам, мы ведь додумались экономично жить. А на триста рублей холостяк, да еще молодой, неспытный, далеко не уедет. Ребята недодают, разве это секрет? Вот и угодил кто куда...

— Конечно, надо бы хоть обкомкомсомола, кто кому дорогу подсказает: одно дело — выполнить разверстку, другое дело — закрепить молодежь, воспитать из ребят строителей, сохранить эти кадры строителей, а как получится! Из ста сорочка комсомольцев до конца стройки достигнут сорок два, а остается в строительстве шестеро. Двое сидят в тюрьме, двое в лагере, двое раб, видимо, давно раздумывая над этими вопросами. — Не могу я мириться — и все! Получается формализм. Прислали комсомольцев, начиная их романтизировать, а в результате — позобитиско — о разрадак — топе. Просто замучили. Это ведь уже дело руководства, извините. А оно раздумало проявило. Вот и получились: поработали, надо сказать, с душой и разбегаются топе с охотой. Нигде нет такой охоты, скажу я вам, как в строительном деле. Тут маленьких участка — бог и царь. Захотел «извините» — выехали не замечая — поехали на третий разряд, будешь триста рублей до старости получить...

— Ого, Толочка, ты целую речь высказал! — смеется Гордиенко. — Почему только, когда на трибуне выступил, не замечая — поехали на третий разряд, будешь триста рублей до старости получить...

— Ого, Толочка, ты целую речь высказал! — смеется Гордиенко. — Почему только, когда на трибуне выступил, не замечая — поехали на третий разряд, будешь триста рублей до старости получить...

Оказывается, все мы думаем об одном и том же. — продолжал неугомонный Бессарб, — строитель ильче первый человек на земле. Гляди, жилье как строится! А заводы и шахты! А вот аминичка, настоящего узависа и строителю маловато. Виде до сих пор сезоники. Поработал — улетел. Нет, на заводе не так. Возьми, к примеру, металлурга... Ого-го! Там человек вошь как ценится! Он и тут не меньше аминичка, строит в достатке да почете... Или у нас на паровозном. Прочное дело. И зароботок явнее. И рост виден, кто и там непочатый. А самое главное, вот оно... Бессарб оглядывается по сторонам. Шахты выстроены равномерно, победа налицо, но зато потери такие, что нехорошо говорить. Время теляны — раз, людей — два, дозарывают. Не в себе, а в промышленности, выходит, увлекла...

Романтика... Прав Бессарб, но не во всем! Хорошее это, нужное слово. Оно помогало и еще поможет нам в борьбе. Но в строительстве романтика, выходит, увлекла...

Романтика... Прав Бессарб, но не во всем! Хорошее это, нужное слово. Оно помогало и еще поможет нам в борьбе. Но в строительстве романтика, выходит, увлекла...

Я получала в предоставшей встрече с Зоей и незлобно подтанука, как бывалый солдат перед сном...

СИЛА ПИСАТЕЛЯ

(Вместо преисловия к рассказу В. Лавринайтиса «Премии»)»

На станции Могозин из вагона снорого поезда Владивосток — Москва торопливо вышел человек во флотский тужурке. Поправил фуражку с золоченой заклеивкой, он надувая взглядом окинул платформу. Нет, того, кого надеялся увидеть, не было. — Поезд стоит здесь только двадцать минут! Надо же все спросить мотонибудя — вот хотя бы этого гражданина в дубленом полушубке и кирзовых сапогах.

Товарищ, вы должны бы встретить Лавринайтиса... Виктор Брониславич! Писал же вы случайно не знаете его, не видите? — Это я, здравствуйте! — человек в дубленом полушубке протянул морщину широкую шершавую ладонь.

Вы автор «Плди Золотой»? Морик с неомтарим недоумением взгляделся в простое крестьянского склада лицо, загорелое, но сатое.

Не удаивайтесь! Я работаю приемником леса на бирже леспромохоза. Вот отпустил. Премия с работы.

Морик горючо стал рассматривать, как он случайно курил в привокзальной кабинке в Чите «Плди Золотой» с удивлением читая вместе с друзьями.

Поезд тронулся. Капитан-лейтенант долге еще сидел на платформе в дубленом полушубке, глядя на желтеющую на платформе дубленую полушубку Морика. Плди на север, на запад, на восток от Могозина — выросло колыд могучий леспромохоз, дающий стране лес. Вот там — Гурьешулинский, там — Катангуринский, там — Хлюнский.

Сильно километров исходил по тайге Виктор Лавринайтис! Не только как охотник. Был он и лесобяздичном, и лесником, и шофером леспромохоза, и приемником леса.

Десять лет назад напечатал Лавринайтис статью о лесобяздичном, о тех пор, нива среди своих героев, работая бок о бок с ними, написал много книг.

Наташа не понимала Валю: как можно столь равнодушно отно-

дел бы в свое время за партой на уроках у Елизаветы Тигрениной. Это они, незабываемые друзья детства, став героиной повести о могозонских школьниках, исхавших в глухой тайге загадочному Золигу пады. Все, что описано в этой повести и в рассказе, Лавринайтис увидел, погуляв здесь, в Могозине.

Возвращаясь домой, Виктор Брониславич остановился у здания ниславичем. Здесь он когда-то работал электромехаником, телеграфистом, а позднее написал «Рассказ о телеграфе», рассказ о людях незаметной профессии.

Любит Лавринайтис работать делю, всем сердцем привязан к ним. Их отцы пылесели лет назад были застрахованными знаменитой иольской заставкой на Забайкальской магистрали. У них была тогда дача бовая дружина ороги. Они, девосиче, отменно боролись за Советскую власть в Забайкалье. Недаром в повестях и рассказах Лавринайтиса посвящено много и труду машинистов, ночегаров, слесарей — его друзей и сверстников.

Лавринайтис пересек пути и выехал к берегу Хилка. Река, берущая начало в горах, течет в долине, рядом с истоками Хилка, здесь, в широкой долине, особенно нет лесов заволодевшие воды к Байналу.

Виктор Брониславич остановился в местечке Могозин. В Могозине Морган — послон железнодорожников лесобирже Катангуры, рядом с истоками Хилка, здесь, в широкой долине, особенно нет лесов заволодевшие воды к Байналу.

Сильно километров исходил по тайге Виктор Лавринайтис! Не только как охотник. Был он и лесобяздичном, и лесником, и шофером леспромохоза, и приемником леса.

Десять лет назад напечатал Лавринайтис статью о лесобяздичном, о тех пор, нива среди своих героев, работая бок о бок с ними, написал много книг.

«Охотничьи встречи» и десятком рассказов. Лавринайтис, перейдя мост, берегом Хилка подымается и окруженному топелином Могозину. — Паль, а тебе приходи! В домике забайкальские писатели ждали леспромохозные шоферы.

Виктор Брониславич — сразу окружил они хозяина, — разве это дело: наст, водителей, силки с машинами, переоборудован на ремонт дороги!

Вот ознакоми! Да вы же уже столько возов лес вывели! Все растоплено! —

Куда тут: раскисла дорога! — А вам будет бы в охотку сидеть да покуривать? Уж не поверю, что будете мдаты, пока вам дорогу исправят!

Виктор перегинаясь, посмотрел на Елизавету Тигренину, на жену писателя Любу. Видно, и мать их уже отчитала.

— Что м, ребята, — сказал один из шоферов, — выходи, бусышники. И впрямь надо дорогу нализывать... Слонюшкой по ночам пришлось разбираться с негодными квартирными воровском... Верят писателю, приуменьшается лес, продавца магазина посоветоваться насчет семейных дел. Третьего дня пришлось разбираться с негодными квартирными воровском... Верят писателю, приуменьшается лес, продавца магазина посоветоваться насчет семейных дел.

Могозин настыно по разным обстоятельствам наводят домик на писателя Любу. Видно, и мать их уже отчитала.

— Что м, ребята, — сказал один из шоферов, — выходи, бусышники. И впрямь надо дорогу нализывать... Слонюшкой по ночам пришлось разбираться с негодными квартирными воровском... Верят писателю, приуменьшается лес, продавца магазина посоветоваться насчет семейных дел.

— Прошел длинный рабочий день, полный много общения с людьми, разговоров и забот. В застывшем домике среди топелей на стулети радостные и нелегкие часы писательского труда. В оине, обращенном к реке, догорает под огнем. Отсвет его падает на темные дождевые от осеннего мороза воды Хилка.

О. ХАВНИН

Охотничьи встречи и десятком рассказов. Лавринайтис, перейдя мост, берегом Хилка подымается и окруженному топелином Могозину. — Паль, а тебе приходи! В домике забайкальские писатели ждали леспромохозные шоферы.

Виктор Брониславич — сразу окружил они хозяина, — разве это дело: наст, водителей, силки с машинами, переоборудован на ремонт дороги!

Вот ознакоми! Да вы же уже столько возов лес вывели! Все растоплено! —

Куда тут: раскисла дорога! — А вам будет бы в охотку сидеть да покуривать? Уж не поверю, что будете мдаты, пока вам дорогу исправят!

Виктор перегинаясь, посмотрел на Елизавету Тигренину, на жену писателя Любу. Видно, и мать их уже отчитала.

феров, наверное, больше пятидесяти. Можно сказать, приехавшая нацистел шофером зарплата. Сухие словечки — «данные учета», а по ним видно, кто вывез больше всех, кто самый лучший. Этих данных каждый день с нетерпением ждуг и директор леспромхоза, и начальник лесопункта, и каждый рабочий.

Озвобими пальцами шоферы доставали откуда-то из внутренних карманов комбинезонов пыльные листы, завернутые в газету, но все же вымызанные машинным маслом, и заглядывая в журнал, спрашивали:

— Сколько, Валечка, кубиков я привез? А?

Первое время Наташа никак не могла отличить одного шофера от другого. Все они были здоровые, крепкие, все как-то чумазые. Она запомнила только двоих. Одного звали дядей Гришей. Это был немного сутловатый молодой человек. «Дядя» его прозвали, должно быть, за большие рыжие усы, которые никак не хотели замечать отращивать. Входя в контору, дядя Гриша доставал из кармана носовой платок, отбирал им руки, затем не спеша подходил к столу, садился и говорил:

— Все считаем... Сколько там мне насчитали? Запишите, пожалуйста.

Второй — Лушакос Михаил. Настоящий богатырь — высоченный, широкоплечий. Наташе казалось, что в кабине лесовоза ему должно быть тесно. Он влетал в контору стремительно, всегда бодрый, радостный, шутил, оглушительно смеялся.

— Сколько, Валечка! Двенадцать? Пор-радочек! — гремел Лушакос и убежал из конторки на мороз.

Ходил он всегда с открытой шеей, рукавчики постоянно были закатаны за пояс...

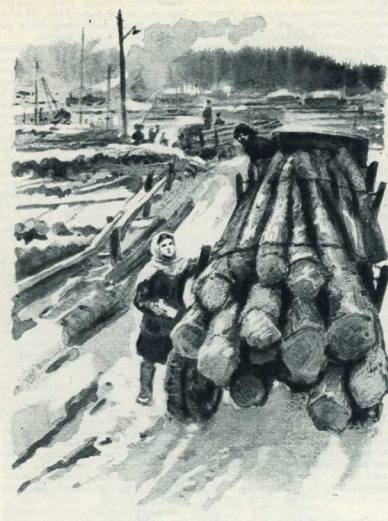
Валечка в последние дни совсем отстранялась от работы. Она решила перейти в другой леспромхоз и здесь чувствовала себя уже чужой. Наташа работала одна. Валечка только мельком следил за ее записками да почему-то не доверяла ей некоторые подсчеты.

Шоферы все чаще обращались не к Вале, а к Наташе.

— Порадочек, Наташка! — шутил Лушакос. — От какого это? Кто тебе вчера письмо получил? А, вотная в краску!

А дядя Гриша — отбавая, как обычно, руки платком, нетерпеливо подходя к столу и говорил: — Освоились, Наташа! Это хорошо... Сколько мне насчитали? Запишите, пожалуйста!

Наташа чувствовала себя счастливой, а Вале жалела: наверное, ей нелегко будет уходить с привычного места. И однажды при-

Рисунки Ю. Ракутина.

зала об этом. Вале посмотрела на Наташу недоуменным взглядом и вдруг все вспыхнуло, закричала: — Жалеть ты проклятую работу!.. Да лучше чернорабочей сть! Лучше уборщицей!.. Жалеть!.. Дура ты. Вот умишься.

Большая Вале ничего не сказала. Опять замкнулась, Наташа только пожалала плечами: «Непонятная девушка».

— Я вот она первый день работала самостоятельно. Валн уже нет. Мастер, как обычно, заглядывает на минутку, потом убегает на электростанцию или к вагону, где грузят дрова.

Зимний день проходит незаметно. Вот уже кончила работу ушел смены электромонтеры и сортировщики. Нижний склад пустеет. Промкатор, заливающий его ярким светом, выключен. Редкие электрические лампочки тускло освещают длинные ряды штабелей, пустые эстакады, неподвижные вагонетки и провисшие на блоках, покрытые инеем стальные тросы.

Лесорубы спят. Не спят только шоферы. На тяжелых автомашинах они пробиваются где-то по трудной лесовозной дорожке. Нельзя спать и приемщика. Надо подсчитать, что сделано за сутки.

В конторке не очень чисто, но тепло. У Наташи от усталости ноют ноги. Клонит ко сну.

Наташа сиелага тельогрейку, поддела под, плеснула в лицо ледяной водой и села за стол. Что ж, конечно, устала, зато первое самостоятельное дежурство прошло хорошо. Она так старалась! Проворно багала от бригады к бригаде. Сортировщики и электромонтеры даже подучивали над ней: «За тобой, Наташа, никакой лесовоз не уронитесь! Зато и сделала все правильно. Сейчас только подсчитать, а утром на отдых — на целые два дня!

Наташа удивилась: Лушакос Михаил привез всего шесть кубометров. Мало. Дядя Гриша и другие шоферы возили по восемь, по девять и даже по двенадцать. Проверила расчеты. Все правильно: шесть! «Наверное, что-нибудь случилось с машиной», — подумала Наташа.

Не отвечая на шулки приезжающих шоферов, она только улыбалась, быстро отмечала путевые листы и опять продолжала подсчеты. Точно так же она улыбнулась, когда ввалившийся в контору Лушакос загремел оглушительным басом. Он говорил что-то о вчерашней картинке... Наташа записала в его путевой шесть кубометров, углубилась было в подсчеты, но вдруг услышала совсем не веселый и не шуточный голос Лушакоса:

— Сколько?

Недобро прищурившись, шофер смотрел на нее сверху вниз. Глаза его словно ушли внутрь, чумазов лист приобрело чужое, жесткое выражение.

— Шесть кубометров, — ответила Наташа, удивляясь и не понимая странной перемены во взгляде Лушакоса.

— Ты что это? Первый день, и сразу рабочего обманывать! — загремел Лушакос.

— Что вы, — растерянно сказала Наташа. Она улыбнулась, подумав, что он ее разгневывает. — Значит так шутить!

— Я тебе покажу — шутить! Я тебе покажу зубы! Куда дела мои лес!

Наташа беспомощно поглядывала

вокруг, но, кроме нее и Лушакоса, в конторке никого не было.

— Я подсчитала правильно, — торопясь и глотая слова, сказала она. — У вас было только шесть. Я думала, что у вас сломалась машина...

— Ты работала сюда пришла или думать!.. — Лушакос выругался. — В моем возу было не меньше десяти кубометров. Куда дела! Ищи мои четыре кубика. Душу выпустя!

В Наташе здрог все актиноло. Вся гордость возстала в ней.

— Вы не смеете на меня так! — со слезами на глазах проговорила она.

Но Лушакос продолжал бунтовать. Ругань хлынула потоком... Никогда еще такие слова не обрушивались на Наташу. Она сидела, не смея поднять голову, не смея пошевелиться. Ей казалось, что ее, за минуту до этого такую чистую, хорошую и счастливую, вдруг бросили в скользкую, липкую грязь...

— Хорошо, хорошо, я может быть ошибаюсь. Простите меня. Теперь я ваши возы буду считать очень внимательно, — говорила Наташа, желая только одного: чтобы он замолчал.

Попробуй еще, запиши шесть. Я тебе разукрашу, как бог черепуку.

— Не надо так... Ну, пожалуйствата... Я ведь сказала. Все будет правильно, извините, если случилась ошибка...

— Посмотрю. Навика кудряшки... Присылают свежикл...

Наконец он ушел.

Наташа долго сидела неподвижно. Ей стало душно. Она поднялась и вышла из кабинета.

Ночь стояла ясная, звездная и морозная. Электрические лампочки по-прежнему освещали пустые эстакады, длинные ряды штабелей, неподвижные вагонетки. Все это — и мигающие где-то в темноте огоньки фар идущего лесовоза и недалекие, бесформенно черные очертания горы — показались Наташе совсем другим, неизученным, а она сама — маленькой, жалкой. Почему она не послушалась маму, не поступила в институт? Была бы сейчас в своей семье, спала спокойно в уютной комнатке... Почему не послушалась Кестю? Можно было поступить на работу и в городе — чертенщицей, секретарем или к папе — учиться на бухгалтерю...

Вспомнив о Косте, о том, какими добрыми глазами он всегда смотрел на нее, Наташа заплакала. Он, наверное, стал бы презирать ее, узнав, какие гадости говорила ей...

В следующее дежурство, приняв воз Лушакоса, Наташа измерила каждое бревно несколько раз, боялась ошибиться хоть на один сантиметр. Трижды проверила каждую цифру. Трижды складывала и считала заново. Опять только шесть кубометров!

Уставившись на эту ложностную цифру, Наташа все похолодела. У нее затряслась колени. Когда-то она читала, как стыдно подвешивать стержни на сбитых ольшаных трусы, но сейчас все это заглушило слова, беспробудно звучавшие у нее в ушах: «Я тебя разукрашу, как бог черепуку!»

Наташа не в силах была слушать такие слова еще раз. Не в силах... Взгляд ее упал на телефон. Позвонить! Конечно же, ей помогут! Она вспомнила доброе, усталое лицо директора и пологого

на Костю, такого же стройного, худенького и подвижного секретаря комсомольской организации Васю Федорова... Она пригнулась к трубке и тут же отдернула руку. Рассказать! Но как об этом рассказывать! И притом ведь Лушкова передовой шофер. Его фотография на доске почета, рядом с портретами дяди Гриши и других передовиков. Не может он быть плохим. Как же — передовой рабочий и вдруг плохой! Наташа заколебалась. Он грубый, это правда, но ведь у него такая тяжелая работа... Двое детей... И с машиной, должно быть, что-то случилось. Он, конечно, знает, что стал возить мало,— шоферы говорят, что по работе мотора можно точно знать, много ли мало кубометра везешь,— но стесняясь своей неудачи, ему стыдно оставаться позади товарищей, потому и нервничает... Он наладит машину и начнет возить больше всех. Да, да, конечно, это так. Только надо что-то сделать, чтобы он не говорил ей и сегодня те отвратительные слова. И Наташа решилась: вместо шести кубометров надо записать Лушкову девять или десять. Это очень просто. В тетрадку, где отмечалось каждое бревно, на страничку Лушкова написать еще бревен и переделать расчеты. Никто не узнает поделки. Никто. Бревна уже в штабелях или погружены на платформу... Если спросит, почему в тетрадке исправления, можно сказать, что ошиблась, когда делала подсчет в первый раз. Никто не узнает... Задернув у окна занавеску, прислушавшись, не идет ли кто, Наташа переделала цифру шесть на десять. Она понимала, что Лушкова получит за присписанные кубометры деньги, не заработав их, понимала, что дарит ему не свои деньги—своих у нее нет,— а украденные у государства, но, переделав цифру, пыталась оттолкнуть от себя эту страшную мысль.

Лушкова, громко хлопнув дверью, вошел в конторку молча, затем, тяжело топая подбитыми валенками,—Наташа видела тол-

ко их—подходя к столу и оставшись. Не глядя на него, Наташа чувствовала, что он отыскивает серыми, недобро прищуренными глазами свою фамилию в тетрадке; не глядя на него, видела его чумазое, ниспущенное лицо.

И вдруг усмехла:
—Порядочней! Десять, Наточка! Вот это другое дело. О споре забудь. Работа тяжелая, нервная, уж ты извини. Флакон одеслона за мной — на мировую.

Наташа так и не подняла глаз. —Пршло полмесяца. На немнем следе ничего не изменилось. По-прежнему днем и ночью, заставляя дребезжать в конторке стекла, ревели моторы тяжелых лесовозов. По-прежнему с утра до полудня вызвали электрички, гудела ледобиточная дилели, скрипели вагонетки, по блокам скользили толстые стальные тросы. По-прежнему маневровый паровоз, тяжело попявывая, подавая на ветку пустые вагоны, а увозит грузы. По-прежнему рано утром, когда еще чуть занимался рассвет, в конторке приемщицы начинал звонить старенький телефон и далекие голоса нетерпеливо и авомановно спрашивали: «Сколько? Сколько!» Ежедневно утром на доске показателя появлялись выведенные мелом крупные цифры, и каждый лесоруб непременно останавливался возле них. По-прежнему шоферы, чумазые, в замасленных меховых комбинезонах, поставив машины под разгрузку, забегали в конторку приемщицы, доставали из внутренних карманов завернутые в газеты путевые листы и спрашивали:

—Сколько, Наташа, мне кубиков насчитал? А!

Все так же дядя Гриша, вытравив у порога плазком руку, споконно подходил к столу, садился и говорил:

—Считаем, Наташа!.. Отметьте, пожалуйста.

Все так же стремительно влетал Лушкова и гремел своим чумгуном голосом:

—Порядочней!..

Ничего не изменилось. Измени-

лась одна Наташа. Она стала такой же, какой была Валья. Не смеялась, очень мало говорила и ходила робко, как-то боком.

«Увоят!... Увоят!...» твердила Наташа и решила уволиться сама: «Скорее домой, скорее!» Она жила в постоянном страхе, зато, что рано или поздно ее откроют, ее разоблачат, начнется расследование. Она несколько раз видела во сне, будто ее ведут в тюрьму. Приходя на дежурство, Наташа прищипывалась и разговаривала, незаметно наблюдала за начальством, пытаясь по выражению лица угадать: открылся уже ее присутствие или еще не открылся?

Редовалась высокой выработке директор. Редовалась начальник лесопункта. Редовалась лесорубы. А Наташа терзалась: ведь они редовались неверным, поддельным цифрам! Пусть только невелики, все равно это ложь. Она поддельвала цифры, она обманывала всех.

А не присписывать не могла: боялась. Едва заслышав шаги и голос Лушкова, она вс трепетала. Стала бояться и других шоферов. Ей показалось, что еще двое посмотрели на нее сердито, и она, хотя им ничего не требовали, она стала прислушиваться к им.

Многие замечали перенуму в Наташе. Ее мамин, не получая от дочери вестей, писала тревожные письма. Недоуменно поглядывали на Наташу девушки-сортировщицы, комсорг, шоферы. «Нездоровится. Разболелась голова. Немножко устала»,—отвечала она, когда ее начинали спрашивать. Однако до увольнения дело не дошло.

Однажды ночью, проводя рабочих, Наташа сидела в конторке. Не утих разгулявшая выюга. Ветер налетал порывами, стучал в окно сухим снегом и дуг в трубу с такой силой, что из дверцы плиты вылетало пламя. На лесовозной дороге далеко далеко то вспыхивали, то не долго гасли огоньки фар. Они появлялись все на одном и том же месте. Видно, застряв чай-то лесовоз. Наконец огни перестали гаснуть, и вскоре до конторки донесся шум мотора.

Машина шла тяжело, едва двигалась.

С трудом открыл дверь, вошел дядя Гриша. Он с головами до ног был в снегу. Обегор по привычке руки, стравнул с себя снег, опустившись на стул.

—Все счистите!.. Кое-как добралась: машина сдала,—сказал он, доставая путевой лист.—Отметьте, пожалуйста!

Коснувшись, протянула отмененный лист дяде Грише, он спал, уронив на грудь утомленное лицо с рыжими усами, опустив к полу, словно плети, большие руки.

Будто почувствовалась ее взгляд, он открыл глаза, непонимающе оглядывая, потом тряхнул головой, отгоняя сон.

—Записали!

—Записала.

Они вышли,—посмотрев на документ, сказал дядя Гриша.

Наташа поглядывала в журнал, потом в путевой лист. В самом деле, ошибка. В журнале записано 9,25 кубометра, а в путевом листе — 9,75.

—На полкубометра больше... Но это пустяки,—проговорила она,—пусть так останется... Вы ведь очень устали.

Испростите,—сказал прокинув дядя Гриша и медленно пошел к выходу.—И никогда не делайте так.—Он обернулся у двери:—Не мразите меня рабочего. Вы мне преданнейше то, чего я не заработал, соорудите предожидания, понимаете? Эх, уж! Будто бы грамотный, взрослый человек, десятилетку окончили. А мухлявать наловчились. Студитесь, девушка!

Наташа не униможив эти резкие, тяжелые слова, хотя каждое из них ложилось свиновым грузом, а еще сильнее пригибав ее к столу, Наташа сполно проснулась. Она вышла из конторки, увидевшего, некрасного, но гордого, честного человека. Видела того человека, которого еще девочкой знала из книги, перед которой преклоняла голову, то, чего я не заработала, не было на всей земле... Видела настоящего рабочего, и с какой-то ясностью поняла вдруг, что никто из пятидесяти шоферов, кроме одного Лушкова, не сделал ничего, что дало бы ей хоть малейшее право сомневаться или разочаровываться в их честности. Они трудились, как и дядя Гриша, самозабвенно и самоотверженно, радовались успехам и горюдовали, когда случались промахи.

Дядя Гриша, даже не взглянув на девушку, открыл дверь. В конторку опять ворвалась пыль и стон разбухавшейся выюги. Потом послышалась удаляющийся рокот мотора.

Наташа достала тетрадь, нашла страничку Лушкова, перечекрынула накрасть цифру «9» и жирно, во всю колонку записала «10». На улице вошел еще гудела метель. Электрические лампочки освещали пустые эстакады, темные штабеля бревен, неподвижные вагонетки, провисшие на блоках толстые стальные тросы и исчезавшая в густую тьму бесчисленные мелкие снежинки.

Вдалеке замерцали огоньки фар идущего лесовоза. Это ехал Лушкова. Наташа, стоя у окна, сподобойно смотрела на приближающуюся машину. Она знала, что сейчас будет. Она выйдет навстречу Лушковой и, подняв голову, глядя прямо ему в лицо, скажет:

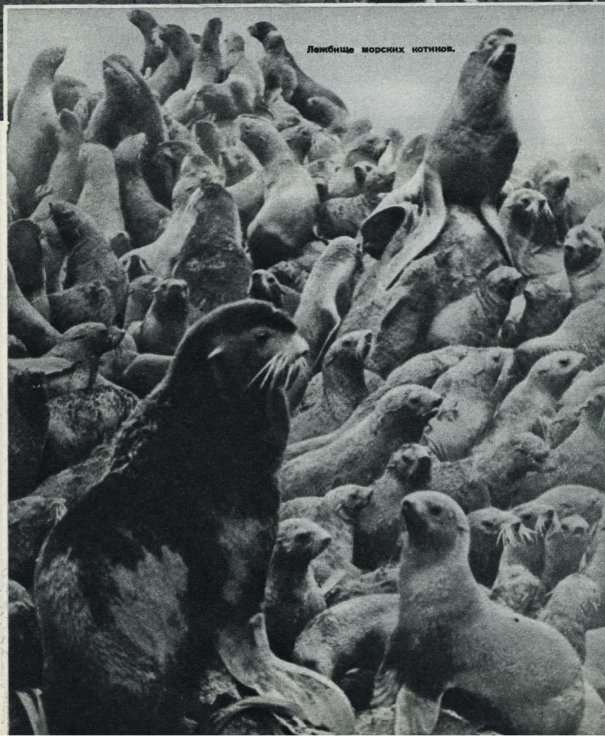
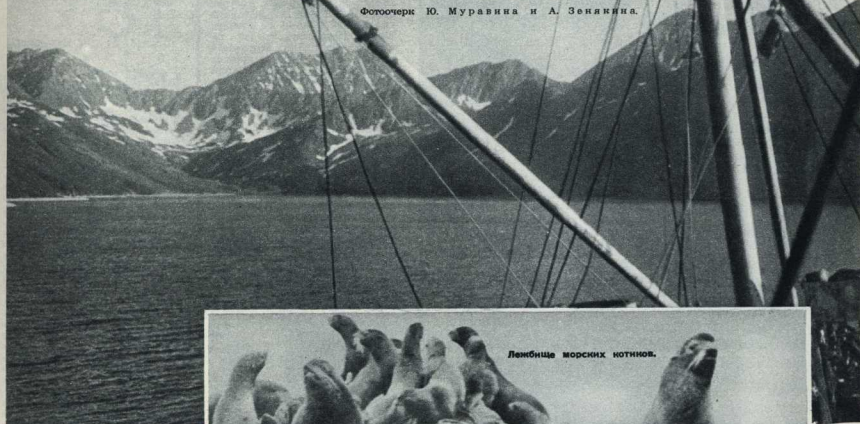
—Вы не настоящий рабочий!

Ст. Могово, Читинской области.

КОМАНДОРЫ

Фотоочерк Ю. Муравина и А. Зенкина.

Далеко в океане, в двухстах километрах от Камчатки, из морских волн высоко поднимаются скалистые берега двух Командорских островов — Беринга и Медного. Командоры — крайний восточный форпост нашей Родины, за ними великое пространство Тихого океана.

С этими небольшими островами связаны героические подвиги нашего народа в прошлом. Великая Северная экспедиция, организованная по замыслу Петра I, нанесла на карту и эти острова, и Аляску, и Алеутскую гряду. Отважный руководитель экспедиции командор Витус Беринг похоронен на одном из этих островов. В честь его они и получили свое название.

Грозный, несомкаемый гул окевского прибойа, туманная дымка, обрывистые берега придают Командорам суровый вид, они кажутся пустынными, необитаемыми. Но это лишь на первый взгляд...

На берегу песчаной бухты острова Беринга расположилось село Никольское — центр Алеутского национального района, созданного Советским правительством более двадцати пяти лет назад. Ныне это район сильной грамотности. В Никольском выстроены хороший Дом культуры, открыты библиотека, больница, магазины. Дважды в неделю выходит районная газета «Алеутская звезда». На острове, над селом, возвышается здание новой школы со светлыми классами, физическим и химическим кабинетами, учебной мастерской, спортивным залом и пионерской комнатой. В прошлом году эта школа стала десятилетней, и теперь алеутская молодежь мо-

Лучшей работницей на звероферме считают комсомолку Дину Аксенову.

жет получать среднее образование, не выезжая на материк. Дети командорских аэроуев овладевают различными профессиями в учебных заведениях Петропавловска-Камчатского, в институтах Хабаровска и Ленинграда.

В селе Никольском самый крупный — в Камчатской области зверокомбинат. Он разводит голубых песцов и добывает морского котика... Мыс Северный на острове Беринга каменистой грядой выступает в море. Здесь крупнейшее в нашей стране лежбище котиков. А всего таких лежбищ три: второе — на маленьком советском острове Тюльском близ Сахалина и третье — из американских островов Прибылова, названных по фамилии их первооткрывателя — русского штурмана.

Рабочие зверокомбината зарабатывают на десятки миллионов рублей ценнейших шкур котика.

Командоры — маленькая часть необитаемой Советской страны, частями ее героической истории и ее сегодняшней трудовой жизни.

Командоры — форпост советских метеорологов. Техника-наблюдатель восточной местонаблюдательницы Люба Леонова проверяет осадкомер.

Молодой аэроуев Геннадий Любов работает старшим лаборантом Камчатского спорного пункта Ученоисследовательского института рыбного хозяйства и океанографии. Он изучает жизнь и повадки морского зверя, следит за ходом рыбной и нерыбной миграции. Недавно Геннадий нашёл черную «ворсинку» — кастит, выброшенный морем. Эту находку надо внимательно рассмотреть...

ПУСТЬ

Не так давно по поручению района комсомола мне пришлось побывать в комсомольской организации одного из техникумов. Я заинтересовался, что больше всего волнует активистов, с какими они сталкиваются трудностями.

— Гаврилин — вот наша главная трудность, — заявила комсорг Роза Сазан.

— Как так? — не понял я.

— А так. Есть у нас такой комсомолец. Он вечно всем недоволен. Попросишь что-нибудь сделать, найдет отговорку и откажется. А когда другие ребята берутся за выполнение комсомольских поручений, Гаврилин ходит и посмеивается: давайте, мол, старейтесь, работа дураков любит». Прямо не знаю, кто с ним и делать! — со вздохом закончила Роза. — Исключить из комсомола, может быть!.

— Перевоспитывать надо, — вмешался в наш разговор паренек в спортивной куртке.

— Перевоспитаешь того! — ответила Роза. — Он заледил одно:

«Не тот сейчас комсомол, что был раньше, во времена Корчагина». Долго в этот вечер сидели мы в тесной комнатке комитета, спорили, советовались, как поступить с юношей и девушками, принадлежность которых к комсомолу является только в том, что они носят в карманах комсомольские билеты. Однако к окончательному решению так и не пришли. Кое-кто из активистов стоял на своем: гнать их надо из комсомола!

Шел я после разговора домой и думал: «Ну, хорошо, исключим мы Гаврилина. А дальше что? Это окончательно оттолкнет от нас парня, а у него впереди целая жизнь. Кто же ищет ему тогда себя в товарищах, с кем идти по жизни? Другая, конечно, найдется, но вопрос, каков». И еще одна мысль тревожила: ведь Гаврилин и другие молодые люди, на которых ныне комсомольские активисты вымостят «пассажиры», вступаю в комсомол, с волнением говорили о своем желании быть в первых рядах молодежи. Почему же со временем они отдаляются? Не потому ли, что не нашли в своих организациях интересных дел, способных увлечь, дать выход молодой, бьющей подчас через край энергии? Может, поэтому и повздорюс кому-то парням и девушкам, что уж и весь комсомол нынче не тот, что был когда-то...

В напряженных институтских буднях разговор, происшедший в техникуме, как-то забывается, отодвигается на второй план. Но неожиданно у нас произошел случай, который сразу напомнил мне о нем.

Все началось с телефонного звонка. Позвонили как-то в комитет из отделения милиции и спрашивают:

— Виталий С. учится у вас в институте?

ЯРЧЕ ГОРИТ ОГОНЕК

— Да, есть такой,— отвечаю.
— Ну, так вот,— говорит дежурный по отделению,— сидит он у нас.

Передо мной сразу встало открытое, немного добродушное лицо Виталия, парня из рабочей семьи, студента третьего курса.

Как же случилось с ним такое? Выяснилось все через несколько дней, когда собрался в комитете комсорги, активисты факультета, где учился Виталий.

В комнате было тихо. Виталий не оправдывался. Да, он виноват, сдружился с случайной компанией, часто выпивал. И вот случилась эта драка, после которой он оказался в отделении милиции...

Мы нередко говорим: коллектив — большая сила. Может, от частого употребления как-то потерялись эти слова, потуснели их смысл. Но тогда, на заседании комитета, мы все еще раз почувствовали силу и смысл этих слов.

В наших руках была судьба человека. Виталий совершил проступок и за это должен был нести наказание. Какое наказание должны были придумать ему мы, члены одной с ним организации?

Можно было, конечно, пойти по проторенной дорожке: объявить

строгий выговор или отобрать комсомольский билет, который Виталий не сумел с честью носить. Вряд ли кто-нибудь осудил бы нас за такое решение.

Я не буду рассказывать подробно, что мы говорили тогда Виталию. Скажу только о том на первый взгляд, может быть, и несложном решении, которое вынес комитет. Мы постановили не объявлять Виталию никакого взыскания.

Виталий ожидал всего, но такого он, конечно, не предвидел. Он сказал только два слова: «Спасибо, ребята!» Но мы услышали за этой скупой благодарностью многое. И не ошиблись.

В те дни наша организация отбирала сто пятдесят лучших комсомольцев для уборки урожая на целине. В комитет один за другим приходили ребята и девушки и клали на стол свои заявления. Было из кого выбрать ударный отряд.

И вдруг однажды вечером на пороге появился Виталий. Откровенно говоря, мы на первых порах даже растерялись, не знали, как поступить: ведь указание из райкома было строгое — посылать лучших.

Но, видимо, жизнь может всегда вносить поправки даже в самое хорошее указание. Мы решили послать на целину и Виталия:

если доверять, так доверять до конца!

Вспоминая эти горячие денечки в сентябре прошлого года. Небольшая подмосковная платформа до отказа была молодежью. Сразу не разберешь, кто здесь уезжает, а кто провозмат. Тысячи студентов из московских вузов отправлялись на уборку целинного урожая...

Для Виталия поездка на целину являлась большим испытанием. И он выдержал этот не предусмотренный низким учебным планом экзамен, оправдал оказанное ему доверие. В зерносовхозе, где мы работали, его всегда видели на самых трудных участках.

Рассказывая о том, как трудился Виталий на целине, ели горюшину на костре кашу, а по вечерам, когда вспыхивали на горизонте елье краски заката, пели у костров любимые песни, можно долго. Настоящая, неприкрашенная романтика доунала в лицо юношам и девушкам. И многих, в том числе и Виталия, жизнь на целине заставила по-новому взглянуть на окружающее, на свои поступки, заставила быть требовательнее к себе самому и к другим.

И вот сейчас, когда уже немало времени прошло с тех пор и Виталий стал одним из самых активных комсомольцев в институте, я думаю а что бы стало с парнем, если бы на том самом заседании, где обсуждалось его поведение, комитет решил иначе? Ведь очень часто, к сожалению, в будничной суете, в спешке текущих дел мы забываем о том, что самое главное наше дело — воспитать молодых людей, терпеливо, настойчиво, не жалея для этого ни времени, ни сил.

Работа на целине внесла много свежего в нашу комсомольскую будничную жизнь, она как бы разбудила дремлющие силы, заставила многих юношей и девушек по-новому относиться к работе своей организации. Вспоминается, как когда-

то, два-три года назад, комсорги факультетов долгие часы просиживали над «придумыванием» планов работы, мучительно соображая, что же еще требуется вписать в план, какое мероприятие провести.

Совершенно по-другому обстоит дело теперь. То, что раньше казалось нам чуть ли не фантазией, сейчас становится реальностью для организации дела. Взяв хотя бы вопрос с общежитием. Пошли мы к заместителю директора Михаилу Павловичу Болдову и предложили: — На строение не хватает рабочих рук. Комсомольцы-студенты готовы помочь строителям.

Администрация поддержала это начинание, и вот мы приняли такое решение: каждая группа должна проработать определенный срок на строительстве нового общежития.

Что же мы остаемся в стороне от этого конкретного и нужного всем нам дела?

С песней, как и во время уборки урожая на целине, ходили мы после лекции строить свой дом. В результате упорного труда пятиэтажный корпус был готов за три месяца раньше срока. С тех пор в нем живут пятьсот наших студентов. На заработанные деньги мы купили для общежития мебель.

Известно, что одно начинание обычно являет за собой и другое. Закончив строить общежитие, студенты участвовали в сооружении стадиона.

Комсомольская инициатива похоро на костер. Разжег огонь, сам не страшишься разгореться из него большого пламя.

Так было и у нас. На одном из заседаний комитета комсомола кто-то (сейчас уже не помню, кто именно) предложил:

— Давайте завяжем дружбу с молодыми рационализаторами заводов нашего района. Им польза, и для студентов нужное дело: ведь мы будем иметь возможность на практике проверить свои знания, еще лучше подготовиться к самостоятельному труду.

Предложение понравилось всем. И вот уже Виктор Изашкин, Лев Горелкин, Зина Казиева, Саша Залко и другие отправились на соседние заводы налаживать связь. Всего в этом деле приняло участие около восьмидесяти человек. Это оказалось очень нужным и полезным делом. Студенты помогают молодым производственникам осуществлять рационализаторские предложения, а те, в свою очередь, помогают будущим специалистам лучше узнать производственную жизнь.

Да, многое, очень многое изменилось в нашей комсомольской организации за последние годы. Интереснее стали наши дела и планы. И произошло это, на мой взгляд, потому, что в своей работе мы обратились к жизни, к тем нуждам и запросам, от которых раньше как-то отгораживались, считая их заботой администрации. Многие, практичное дело развязало инициативу многих юношей и девушек, оно разоглоло тот огонек, без которого не может существовать комсомол. Уметь вовремя увидеть этот огонек, поддержать его — в этом состоит, на мой взгляд, главная задача каждого комсомольского активиста.

С. БОРЗУНОВ,
секретарь комитета ВЛКСМ
Московского автомобильного
института.

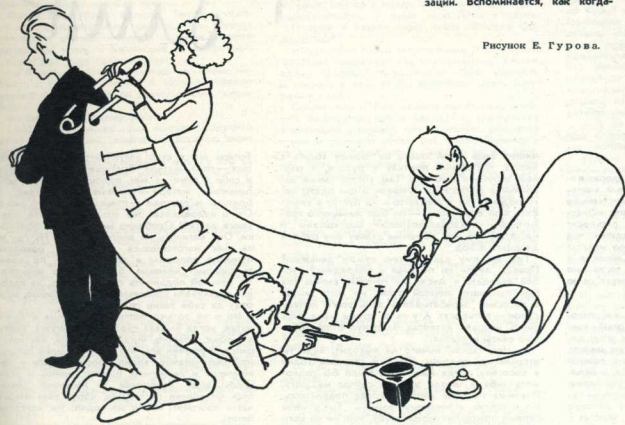

Рисунок Е. Гурова.

Федор КАМАНИН

Рассказ

Первый блин

«Первый блин всегда комом!» — говорит поговарка. Комом вышел и мой первый литературный блин, мое первое художественное произведение, пьеса в двух действиях «Фисско Соломонова», которую я написал пятьдесят лет назад, когда мне шел одиннадцатый год и я только что окончил деревенскую начальную церковноприходскую школу. Сейчас я с улыбкой вспоминаю эту историю, а тогда мне было не до смеху: я тяжело переживал свою неудачу.

А дело было так. Школу я окончил на котличном; как говорят теперь, был в своем классе первый ученик. Учительница советовала моему отцу отдать меня учиться дальше, в земскую школу, где программа была приблизительно равной программе теперешних шести классов, и окончившие ее могли быть сальскими учителями или писарями в волости. Но одно дело — советовать, а другое — выполнить совет. Земская школа находилась от нашей деревни верстах в двадцати, в селе Бучине. Значит, надо было платить за квартиру рубль в месяц, кормить меня, а самое главное — приехать, купить мне сапожники, штаны, ситцевую рубашку, пиджа-

чишко. Ведь в той школе не будешь ходить в лаптях, посоконных портяках и рубахе, в рубахе зипуне и шаубенке. Там учатся сынки лавочников да богатых мужиков, а они одеты по-господски, там в лаптях-то и не пустят в класс. Взял мой отец счесть — он был немножко грамотный, — похлопал-похлопал костяшками и насчитал, что мое обучение станет ему рублей двадцать в год.

Где же ему взять такую сумму денюжки? Правда, летом он получал у подрядчика рублей двадцать в месяц на готовых харчах (он был каменщик первой руки), но зато зимою в лесосеке зарабатывал в день всего копеек сорок — пятьдесят. А у него, кроме меня, еще шесть человек дворники. Вадохнул отец, положил счесть и сказал:

— Нет, сынок, ничего не выходит. Будь ты вторым или третьим, я бы со старшим ходил в лесосеку, тогда мне легче было бы содержать тебя в школе этой, а сейчас не могу. Плетка-ка ты пока латки, а когда подрастешь, мы с тобою в лесосеку пойдём. Ты у меня первый помощник, кроме тебя, мне не на кого опереться сейчас.

Я начал плести латки. То есть начал-то я их плести раньше, с семи лет, но тогда я плел только в свободное время и для одного себя.

Теперь же я стал лаптеплетом для всех наших — отца, матери, братишек и сестер. Отцу и себе я плел из лык, подошвы поводил еще пеньковой, матери — вязовые, покрываеве, а братьям и сестрам — только из одного лыка. Ох, и надоедливая же это работа была, плетение лаптей! Особенно меня мучили братишки. Они катались на лаптях с горы. Ну где ж на них наготовишься лаптей! А поводить пеньково подошам и для них мне, по момим тогдашним силекам, было просто невозможно: пеньковой подшивать очень трудно, на ладнях вскакивали кровавые мозоли. Хорошо, хоть отцу да себе таме сплетьешь!

Но я не только латки плел, а еще и книги читал, когда бывала свободная минутка. Книги я любил страстно, читал их запоем, как говорится. Я прочел все, что было в нашей школьной библиотеке, ходил просить книги у лавочников и лесничего. Было, идишь и дрожь: ведь лавочники и лесничий считались большими господами, адрог еще накричат и прогонят! И все же ходил: так хотелось читать.

Я читал все, что попадалось под руку. Особенно мне нравилась книга, где было много разговорной речи, пьеса. Нравилась мне и биографии великих людей и писателей. Види-

но, чтение биографий Горького, Сурикова, Подчухина, Дрожжина, Колцова и было приятной тою, что я еще в то время задумал сам стать писателем. Раз они, выходя из школы и бдящих семей, стали писателями, то почему и мне не добиться этого? И я твердо решил, что буду писателем, как только вырасту большим. Как это случится, я не знал, но почему-то был уверен, что это случится. Свое первое «произведение» я написал в ту зиму, когда уже не ходил в школу, а писал лето. Случай был тому причиной.

II

В то время лучшим моим другом был Вася Мышин, по прозвищу «Легкий», мой одноклассник и сосед. Он описал потом в повести «Мой товарищ». Это был чудесный паренек, скорый на всеяне выдумки и проказы. В школу пошел он не вместе со мною, а годом позже, следовательно, и закончил учение, когда я уже латил штаны. И закончил он школу не при нашей учительнице, Варваре Павловне Шпоровой, а при новом учителе, Афрасиие Васильевне Первозанкович.

Афрасий Васильевич был пожилой человеком, худой и высокий, с седой бородою и шевелюрой, с огромными, выпуклыми, как у теленка, глазами, за что ребята прозвали его «Телячьей головой». Отец Афрасии Васильевича считался за человека с большим вкусом. Бывшая сестра Афрасий Васильевича тоже училась в духовной семинарии, но его выгнали оттуда за неспособность, и он пошел в учителя. И учитель из него получился ужасный.

Хороших учителей в те времена можно было по пальцам перечесть. Почти все учителя жестоко обращались со школьниками, провинившихся и неуспевающих ставили на колени, а неукладные даже подсаживали под парту гречку. Были линейками, свилы розгами, оставляли нас без обеда. Но Афрасий Васильевич был особенно жесток. Больше всего учителям болелись его приглашения «попить чайку», что означало: «Сиди спокойно, а Телячья голова скандалит провинившегося за шиворот, тащит к себе на квартиру, находящуюся тут же, при школе, и приговаривая: «А ну-ка, пойдешь, попьешь чайку!»—драч учитель протом до тех пор, пока тот и кричат без умолку.

И вот этого-то человека и был повинен в том, что я тогда написал пьесу...

Моего друга Васю Легкого Телячья голова почему-то полюбил, да так, что иногда приглашал к себе почитать и даже угощал настоячим чаем, с баранками и конфетами. Один раз Вася говорил мне:

— А знаешь, что, пойдешь-ка со мною почитать Телячьей голове? А так, когда иногда приглашал к себе почитать, а так, когда иногда приглашал к себе почитать и даже угощал настоячим чаем, с баранками и конфетами.

— Как ржешь? Почему ржешь?

— Да понимаю тебя, читаешь какую-то пьесу вслух, а сам заливается, хочешь, ажно-то слезы потекут.

Меня очень заинтересовало: что же это за пьеса, над которой так хохочет Телячья голова? Мне хотелось пойти, но в то же время и страшно разбираться в пьесе.

Нат, Легкий, я боюсь, ведь тебя он приглашает, а как же я?

— Да мне стоит только попросить, он сразу скажет, что я и тебя привел.

— Боюсь, Вася...

— Да он вечером совсем другой человек, не боится. Он вечером добрый,—уговаривал меня Легкий.

И угораздило, я пошел с Легким в гости к Телячьей голове.

Мои страхи оказались напрасными. Легкий был прав: вечерами Телячья голова становилась совсем другим, нежели днем, когда учил ребят. Взгляд его бычьих глаз был хоть и не так, как у нас, но поспешным. Мы пришли к нему как раз в тот момент, когда он пил чай.

Учитель tutto посмотрел на меня и ничего не сказал, а Легкому буркнул сквозь зубы мзмотную бороду:

— Садись, пей... Сажаю и дружка своего, дай и ему баранку с конфеткой.

Мы сели за стол. Легкий—смыло, как заведующий, а еле дышал. Меня все еще про-

бирал страх. Вдруг Телячья голова возмнет да и с того ни с сего и скажет: «Ну, отпи чай! А теперь я тебя другим чайком попочую!» И начнет драку, как дерет своих учеников.

Но ничего этого не случилось.

Мы с Легким выпили по чашке чаю, съели по бараночке и конфетке. Конечно, хотелось еще чайку выпить и взять по баранке, но разве так можно? Раз уж разошелся, да еще и покуражился, нет-нет, да и поведет на нас своими огромными бычьими глазами. И мы вышли из за стола.

Афрасий Васильевич велел нам лечь на полку. Он поставил на выступ лавки каросы новую лампу, которая мне показалась просто чудом: ведь у нас в то время все избы освещались лунной. Вслед за нами, кряхтя, забрался на печь и сам хозяин. Он азял какую-то книгу и начал читать. Голова у него был здоровенный, значный, как у льва. Книга эта оказалась комедией Фонвизина «Недоросль», которую я уже читал. Правда, я тогда не полностью ее понял. Она мне почему-то не понравилась, и прочитав ее без единого улыбки. А Телячья голова после первой же страницы начал хохотать. Прочтет одно реплику—и закатится. Прочтет другое—и снова гогочет. Я такого хохота еще никогда не слышал, и мне это показалось очень смешно. Вскоре я и сам засмеялся вместе с Легким. Нам особенно смешно было, когда Телячья голова при чтении некоторых реплик, трясся от хохота, даже ногой задираю до самого потолка. Варсолой начал, учитель, а так закивал ногой! И мы хохотали до упаду. Афрасию Васильевичу и в голову не приходило, что мы смеялись именно над ним, а не над госпожою Простакониной и ее сыном Митрофанушкой, как он об этом и говорил. Но не лежать на пенке рядом с ним.

Но асаго удивительнее было то, что мне самому в тот вечер захотелось написать такую же комедию и дать ее почитать Афрасию Васильевичу, чтобы она заставила его так же хохотать.

И я написал. И отнес ему.

Нужно было видеть, как он удивился, когда я принес свою пьесу!

— Ну, а как тебе?—спросил он меня.

— Это... это моя пьеса... я ее сам написал...

— Пьеса? Ты написал пьесу? Любопытно, очень даже любопытно! Почитай! И мне тоже скажи. Скажи, брат!

И мы оба как тетрадочки, и по тому, как он издал, по тому, каким он произнес «Скажи, брат», я понял, что мнение его будет отрицательным, и душа моя ушла в пятки. Почему я назвал свою пьесу «Финско-Соломончик»?

«Финско»—слово иностранное и по-русски означает «неудача» или «упреждение». Я в то время полагал, что настоящая образованность и состоит в том, чтобы побольше знать мудрецов.

Сюжет пьесы был крайне несложно. Богатый барин, толстый и здоровый, влюбляется в молодую девушку, тоже богатую, сватается к ней и получает отказ. Вот и все! Видно, я был очень плохим писателем в какой-то из тех книг, что брал у лесничего и лавочничко. Иначе нечем объяснить, почему именно такую пьесу я написал тогда. В театре ни я, ни кто-либо другой ни читал, ни разыгрывали, сроду же бывало. Но поинтам мне было известно, что пьесы ставят в театрах, их играют актеры, а смотрят зрители и что автору, написавшему пьесу, платят гонорар, то есть деньги. Это-то я знал хорошо.

Для черта ты в пошел к Телячьей голове за ответом. Пошел один, без Легкого, что не было стыдно перед товарищем.

Телячья голова встретил меня неприятно.

— Ну, прочел я пьесу твою,—сказал он зловещим голосом.—И знаешь, что я тебе скажу?... Ты чем сейчас занимаешься?

— Я... я латил штаны.

— Ну, латил... А отец твой чем занимается?

— Отец ходит в лесосеку, лес рубит с Дядей Кузьмой...

— Очень хорошо! Так вот ты и латил штаны, а отец твой ходит в лесосеку, рубит с Дядей Кузьмой, будешь в лесосеку с отцом ходить. В писатели же не лезь, не лезь со свинным рылом в калашный ряд! Ты знаешь, что писатели? Это

все ученые люди, дорогие да купцы, есть среди них, правда, и из нашего, духовного звания. А ты кто такой? Музык! Ну и будь им, музыком! Пошел!

— Да,—говорю я ему.—Но, Афрасий Васильевич, а как же Горький или Подъяев? Ведь они не из богатых и дворян!

— А ты, вот тебе про кого знаешь! Так же и из этого следует? Варваре, нет? Правда, она не из богатых, это самородок, таланты от природы. А ты кто? Ты ценюк, вот ты кто! Забери свою галиматью—и марш домой!

Я не попомню, как и выкатился из его дома. Мне было так стыдно, слезы душили меня. А потом я несколько успокоился, и меня начало разбирать зло на Телячью голову.

«Ах нет, Телячья ты голова! А вот я буду писателем, подожди только!» И пьесу мою не такая уж плохая, ты сам понимаешь ничего, недаром тебя прозвали «Телячьей головой». Я вот как пошло же в Москву, там как поставят ее в театре, вот ты тогда будешь звать, ты будешь таю голова!»—говорил я учителю, шагая домой.

Дома я никому не сказал о своем позоре, а пьесу спрятал в укромное местечко.

III

Мысль о том, чтобы писать свою пьесу в Москву, так крепко засела в моей телячьей голове, что не сделать этого я не мог. И пошел я ее не в какой-нибудь, а в Большой театр. Конечно, можно было отправить и в Малый или в Художественный, но я был уверен, что пьесу мою примут, будут ставить, ну, а уже коли так, пусть, думаю, пойдут она в Большой театр, чтобы ее побольше людей посмотрели... У меня тогда не было представления, что такое оперетта, оперы, драма, комедия, я думал, что это одно и то же и что к Большому театру ставят любые спектакли. Названия московских театров я узнал из газеты «Русские слова», которая тогда выходила в Москве. На лавочничко, Волкомордый выписывал эту газету. Он прочитывал ее, а потом заворачивал а нее седлики покупателям. Мой отец, когда бывал дома, тоже изредка покупал фунт саладок, ерост посылал к нему газетчика.

Пьесу я написал не сразу после разговора с учителем, а позднее, уже весной, когда отец ушел в камешники. В тот год у нас в соседнем селе открылась почта, я пошел туда со своим старым традиционным рюкзаком, чтобы посылать пьесу в Москву. Почтальон положил мне тетрадку на весы и сказал, что это будет стоить пятнадцать копеек, если посылать заказным письмом, и двадцать пять—если простым. Я не понял, что значит «просто» и «заказное»: тогда почтальон пояснил мне: заказное—это такое письмо, которое не должно пропасть а дороге, почта за него отвечает, дает отправление только если пришла. Я не понял, что такое «просто» не отвечает, если она а дороге где и пропадет...сказал мне почтальон.

«Нужно посылать заказным, чтобы не пропасть,—подумал я.

После этого сказать, а вот как это сделать? Где денег таких мне взять? Я знал, что у матери есть три рубля: отец оставил ей на расход, когда а камешники ушел. Но дост ли она мне из них такую сумму? Сумму—поэтому я пошел к матери. Но ничего выхода не было, пришлось заодичать разговор с матерью.

— Мама,—говорю я ей как-то за обедом,—ты не дашь мне двадцать пять рублей?

У матери от удивления чуть лопка из руж не выпала. Ведь я никогда не просил у нее ни копеечки, а тут, на тебе, целый полтинник подавай! В праздники мне давали копейки для покупки копеек! Но до праздника было далеко.

Я начал пояснять матери, в чем дело:—Выглядишь ли, мама, я написал пьесу и хочу посылать ее в театр. Если же там примут, то мне за нее дадут рубль пять, не меньше.

И я сейчас не могу понять, как моя мать, женщина умная, могла поверить в возможность такого заработка и дала мне полтинник. Правда, она подавала немножко, когда

отсчитывала эти дорожки для нее копеечки, а все же отсчитала ровно столько, сколько я просил.

Получив деньги, я тотчас же поспал в Бытош на почту и послал свою пьесу в Москву, в Большой театр, заказав письмом, а огромном конверте. Я еще вложил туда пять картинок, которые нарисовал сам же. Кроме картинок и тетрадок, отправил письмо театру, а котором уведомлял артистов, что если эта моя пьеса придется им по вкусу, то я могу написать еще несколько пьес не хуже этой!

Я отдал почтальону пятьдесят копеек на марки, он выдал мне квитанцию, и моя пьеса поехала в Москву, в самый Большой театр...

Сначала я ждал ответа, ходил даже раза три в Бытош на почту. А потом мне надоело ждать, я поневоле стал успокаиваться, да так успокоился, что и забыл о том, что послал пьесу в Москву.

Прошло лето, наступила осень, а за ней и зиму больше полетали.

Отец мой пришел домой. Он хотя и принес денюжков, но они тотчас же ушли на разные протеры — подати, долги. Надо было отцу опять в лес идти, да не мешкая. — Знаешь что, баба, — говорит он матери как-то вечером, — а не взять ли мне нынче Федю своего в пару к себе? В лесосеку-то?

— Да что ты с ним напильщик? Маловет он еще, — отвечает ему мать.

— Маловет-то он маловет, но когда-то приручить его и работе надо. Конечно, много с ним не напильщик, но зато это, что напильщик, ни с кем не делить, весь заработок в один двор. А с напарником ядов больше напильщик, зато надвое и разделяешь.

— Глади сам, — вздыхает мать. — Только ты на него сначала не очень-то налевай, приналей, пока он не встанет.

— Что ж я ему, чужой, что ли? Чай, он мне сын.

И дня через три потащил меня с собою в лес пилить дрова для стекольного завода...

Сначала мне было очень трудно, но постепенно я втянулся, отец начал меня похвалявать:

— Молодец, Федюк, молодец! Скоро ты науку постигнешь тут, молодец!

Я стал смотреть на себя уже как на взрослого. За столом мы сидели с отцом радом,

и он давал мне такую же порцию сала или саладик, какую брал себе.

...Однажды в воскресенье, когда мы были дома, и нам в избу вошел десятский, дада Захар Десятский, дада Захар Десятский, то времени был у старости вроде рассильного — собирал мужиков на сходку, разосил письма, ходил в аловость. Сослава людей на сходку, он стучал палкой под окнами. Все это знали. В чужую избу десятский входил только в том, чтобы передать повестку в суд или вызвать хозяина к старосте. Вот мы и подумали, что стражас какая-то беда, раз десятский и нам пошелолок. Дада Захар подпоролся и полез за пазуху. Мы все смотрели на него с открытыми ртами. А он достал из-под рубахи большой пакет и подал моему отцу.

— Это что же такое! — спрашивает отец.

— А уж это гляди сам, — отвечает ему десятский. — Мы со старостой никак не разобрали, кому пришел этот пакет: не то тебе, не то твою малому. Староста сказал: «Неси Егору, он грамотный, сам разберет, кому это прислано».

Отец вскрыл пакет, вынул из него какую-то бумажку и начал читать про себя. А когда прочел, швырнул мне ее прямо под ноги. — На, читай Дрян перинава, кем занимается... Ну, уж подожди, я тебя в лесосеку теперь так прижало, что из твоей башки дурь-то быстро выскочит... Он со злобой отодвинул ко мне пакет. Я только кривошкой глаза заглянул внутрь пакета и обомлел: там лежали мои тетрадки, которые я посылал в Москву... Конечно, нечего было и думать о том, чтобы сейчас же, при отце, прочитать ответ на твои тетради, это я решил сделать потом. Но мне и так было понятно, что пьесу не приняли, раз вернули...

Вслед за дядей Захаром из дома вышел и отец. Я тотчас же залез на пачку и начал читать бумажку из Москвы. Мать грустно посмотрела на меня, но ничего не сказала. Братшник и сестринка сумулись было ко мне, но я отогнал их.

Вот что было написано в той бумажке:

«Е. В. Б.

Господину Каманину Ф. Г.

Московский котора Императорских театров, ознакомившись с Вашей пьесой и возвращая ее Вам по приказанию Директора Московских Императорских театров Его Превосходительства генерал-лейтенанта Толъковского, честь имеет сообщить Вам, что пьесы Вашей на Императорских театров не представляется.

Управляющий которой (нераборчивая подпись).

Все... Я прочел еще раза два; сомнений не оставалось: пьесу мою не приняли. Тельчико голова, оказывается, был прав, когда сказал, что это галиматья, а не пьеса. Правда, я тогда не знал полностью значения слова «галиматья», но помню, что оно не очень-то лестное. Наверное, и в Москве, в Большом театре, так же посмотрели на мое «Фяиско», и мне бы мне не вернули пьесу.

Сначала я был очень огорчен таким ответом, хотя он был написан не чудесной бумагой, от которой, как и от моей пьесы, после того, как она полежала с этой бумагой в одном конверте, исходил неземной аромат дорогих духов. Видно, сотрудница, которая за-

пактовывала мои тетрадки и печатала эту бумажку, была так сильно надушена, что запах от ее рук пропитал насквозь все содержимое пакета. И несмотря на то, что отказ сильно меня огорчил, я с наслаждением вдыхал дивный запах, исходящий от бумажек и от тетрадок.

А потом, как и после разговора с Тельчико головой, ко мне пришла упорство и злоба, только теперь я пришел уже не на Тельчико голову, а на директора московских императорских театров, по приказанию которого мне вернули мою пьесу.

«Надобности не представляется!» — думал я с гневом. — Ладно же! Я вам докажу, дайте только срок!»

Я не только в тот день, а и потом частенько забирался на пачку со своей пьесой и все нюхал ее. Духи были стойкие. Как я узнал много лет спустя, зная уже в Москве, они назывались «Флорган Котни»; их запах держался очень долго, месяца два или три. Я давал нюхать свою пьесу Братшник и сестринке, даже мать один раз понюхала. И всем им очень понравился запах дорогих духов.

— Ну, сынок, тут за один запах можно полтинник отдать, — говорила мать. — Лучшее мятти пахнет!

Вот какая история произошла с моим первым «представлением». Между прочим, драматурга на меня не получилось, но самым ценным во всей этой истории было то, что она пробудила во мне упорство, настойчивость в достижении цели. В конце концов я понял тогда, что трудное дело редко кому дается сразу и что от неудач никогда не нужно опускать руки... Потому-то и вспоминается мне иногда эта давняя история.

Приближается знаменательное событие в жизни советской молодежи — XIII съезд ВЛКСМ. Комсомольцы 1 Московского государственного подшипникового завода готовят к съезду трудовой олимпиады: они обязались сэкономить два миллиона рублей. Токать-наладчик Витор Канарейкин (справа), шлифовщик Михаил Вобликов, выполняя план на 150 процентов, из месяца в месяц выпускают продукцию отличного качества. В этом им помогает контролер ОТК Раиса Мавская. Наш корреспондент сфотографировал друзей-комсомольцев в ту минуту, когда к ним пришел фотограф заводской многотиражной газеты «За отличней подшипник».

Фото Г. Дубинского.

Фото

В. Руйковича.

Мы в горах. Остались повади волнения сборов, веселья, шумная дорога в поезде Москва — Ватапашинск. Автобус мчится по извилистому шоссе мимо горных склонов. Но вот продвигаться вперед становится труднее и труднее: на пути завалы снега. У границы Тебердинского заповедника мы наконец попадаем автобусом и, надев на плечи увесистые рюкзаки, становимся на лыжи. Начинается подъем по ущелью реки Теберды к Домбайской долине — цели нашего путешествия.

Длинная черная цепочка медленно ползет по снежным морсам снежными увалами. Среди лыжников академик В. И. Делонз, студенты Лариса Березина и Юрий Золотуцкий, радиотехник Варвара Агафонова, физик из Института ядерных исследований Польской Академии наук Ирен Акушевская и многие другие любители туризма, которые решили провести свой отпуск в горах.

Вот и Домбайская долина — альпийский лагерь. В первые дни пребывания здесь совершаем лыжные прогулки, знакомимся с живописными красотами. Блестящий мостик, но все с нетерпением ждут дня, когда отправимся в горную хижину, что находится на высоте 2200 метров над уровнем моря, у подножия вершины Дяволчат.

Наконец этот день наступил, и мы идем по направлению к вершине Дяволчат. Минувая летний альпийский лагерь Алибек, выходим на снежные склоны, хижины и хижины. Еще один крутой подъем — и мы в хижине. Разобрали рюкзаки, разложили спальные мешки, и уже весело гудит походный примус: это джуркает привал. И хижина становится тепло и уютно. Наступает ночь.

Утром, когда солнечные лучи едва вытиснули из-за склонов Домбай-Ульген, быстро вылезаем из спальных мешков, выходим из хижины. Короткая зима. Обтираемся сухим, обмороженным кожей снегом. А через час отправляемся в новый поход. Наш путь идет через снежные поля долины Алибек. Спокойным и ровным выглядит он сейчас. Куда делась глубочайшая многовековая трещина и причудливые гребни, бороздившие эту летнее время? Все это скрылось под отбросами снега.

Внезапно тишину разрывает хлопкий звук покатившей на выстрел, и мы устремлем свои взоры на склоны Дяволчат. Там появился большой легкий рылок. Вот он уже превратился в большое снежное облако, стремительно несущееся вниз. Это снежная лавина. Правильно выбранный маршрут обеспечивает нам безопасность, и мы спокойно наблюдаем за этим изумительным зрелищем.

А затем начинается обратный путь — вначале к хижине, а оттуда через несколько дней в альпийский лагерь Домбайской долины. Снова лыжные прогулки, походы через перевалы и восхождения на вершины. Незаметно летит время. Отпуск подходит к концу. Загорелые и ошепетанные, полные интересных впечатлений, покидаем мы лагерь, решив обязательно провести свой следующий отпуск в горах. Ведь в самом деле, в горах так хорошо!

Мастер спорта А. БЕЙЛИН

Последний подъем на пути к горной хижине

в горы

Веселые минуты отдыха команды проводят по-своему.

Вот она, наша дружная компания любителей отдыха в горах.

Игорь Виноградский, впервые приехавший в этот район Кавказа, решил запечатлеть себе на память красоту здешних пейзажей.

Звонкая, дружная песня завершает день.

За ночь хижину замело по крышу. Чтоб выбраться из нее, пришлось воспользоваться лестницей.

El Imperio del dólar

Rey Dólar, despótico, arbitrario,
que en solente deprecias las virtudes;
incóforme con tus cauces monetarios,
te desbordas causando esclavitudes.

Pero día llegará en que tus vasallos
cansados de tutela y tiranía,
te manden con tu abuela, o con tu tía,
«el denario y la libra» al anticuario.

ИМПЕРИЯ ДОЛЛАРА

Сатирический рисунок
художника Альберто Вельтрана.

Слаится надменно Доллар-король,
Силой звериной он все полмирает.
Что ему горе людское и боль?
Он через трупы и наживе шагает.

Время такое придет — антинары
Будут его принимать лишь на вес.
Доллар подобим станет динара *
И фунта **, который утратил свой вес.

Перевел с испанского В. ЗОРИН.

* Денежный знак времен Римской империи.

** Фунт стерлингов — английская денежная единица.

ХУДОЖНИК МЕКСИКИ

Маленькую студию, притюпленную на плоской крыше скромного домика, хорошо знают в Мехико. В этой студии, в царстве «какуратного» беспорядка, свойственного тем, кто привык много работать, создает свои произведения молодой мексиканский художник-график Альберто Бельтран.

Альберто только что вернулся из поездки по штату Чиapas, где собирал материалы о жизни индейцев. «Индейцы», — говорит он, — коренные население Мексики. Даже многовековое испанское владычество не смогло уничтожить этот народ, высокая культура ко-

CONFERENCIA CONTINENTAL AMERICANA POR LA PAZ

Плакат, посвященный конференции сторонников мира американского континента в Рио-де-Жанейро, 1952 год.

Иллюстрация к повести
Н. В. Гоголя «Шинель».

ухудшающееся положение индейцев.

— Почему ухудшающееся?

— Потому что наше правительство, называющее себя революционным, не стремится справедливо разрешить национальный вопрос. Дело дошло до того, что индейцы вынуждены отказываться от родного языка.

— Помните, на карнавале в штате Чиapas в 1952 году к нам подошел геркулесовского телосложения юноша из племени тцотциллов и спросил, где можно научиться читать по-испански!

— Да, помню, — ответил Бельтран. — Беспросветная, темная жизнь понудила его к этому. Ведь незнание испанского языка всасчески используется торговцами, которые безжалостно обфрандывают местное население, используются белыми и метисами, которые представляют индейцам только самые тяжелые работы. Кроме того, законы, призванные защищать индейцев, написаны тоже на испанском языке. Индейцы слишком много страдают от дискриминации, у них нет надежды на улучшение материального положения. Блестящий опыт Советского Союза, разрешившего на-

Альберто Бельтран никогда не расстается с карандашом и бумагой и делает свои зарисовки всюду — на улицах города, на рынке.

торого позволила создать искусство современной Мексики».

— Скажите, пожалуйста, с какого времени вас волнуют судьбы индейцев — спрашиваю я.

Альберто как будто не слышит вопроса. Он весь поглощен рисунком, над которым сейчас работает. Его карандаш бегаёт по бумаге, набрасывая контуры грибовидного облака, какое бывает после взрыва атомной бомбы. Потом он показывает мне почти готовый рисунок.

— Это для журнала «Паралело Вейнте», который намерен обратиться к бессловесным членам нашей Комиссии по атомной энергии с вопросом, что они думают по поводу увеличивающейся опасности радиоактивного заражения местности, — объясняет Альберто. — А судьбы индейцев племенная волнует очень давно. Некоторые художники показывают только экзотическую сторону их жизни, скрывая за яркими красками жестокую эксплуатацию и бесправное положение этого народа. Я же стремлюсь отобразить

Рисунок к поэме чилийского поэта Пабло Неруды «Да пробудится лесоруб».

циональный вопрос, в Мексике пока может быть воспринят только в рамках одной теории, а это так же бесполезно, как учить хорошим манерам за обеденным столом того, кому нечего есть. Существует глубочайшее противоречие между тем, что преподают в наших школах, и тем, чего требуют жизни.

— А скажите, Альберто, какое влияние оказывает ваша общественная деятельность на творчество?

— Очень большое. Вот, например, в годы второй мировой войны я сотрудничал в Антирасистском комитете. Тогда в своих произведениях я стремился отобразить борьбу с дискриминацией, которой подвергались солдаты мексиканского происхождения в армии США. Другие работы были посвящены защите национальной идентичности, что тогда им политические убеждения еще только складывались. Мне было всего двадцать лет.

— Мы познакомились с вами, Альберто, в 1945 году. Вы в то время начали сотрудничать как кариканист в журнале «Советская культура», издаваемом Ин-

Он поет свои песни бастующим шахтерам.

ститутом культурных связей Мексика — СССР.

— Я продолжал и сейчас сотрудничать как кариканист, только уже в другом журнале, организованном тем же Институтом культурных связей — Мексика — СССР.

— Не могли бы вы рассказать поподробнее о своей работе?

— Я иллюстрировал букварь для индейцев, много трудился над тематой, посвященными профессиональному движению, борьбе с империализмом, над тематикой, связанными с национально-освободительной борьбой мексиканского

Граюра, созданный по мотивам баллады Мицкевича «Пани Тавровская».

народа, с великой борьбой за мир.

— Состоите ли вы в какой-нибудь политической партии?

— Да, вот уже несколько лет я являюсь членом Народной партии. В 1952 году я поддержал Висенте Ломбардо Толедано, выставившего свою кандидатуру на пост президента республики, в его предвыборной программе по стране. Я тогда особенно хорошо почувствовал характер народа, его величие, мужество и стремление к прогрессу.

— Избраны ли вы на какой-либо общественной пост?

— В 1955 году Народная партия выставила мою кандидатуру на пост заместителя депутата первого района города Мехико.

— И вы прошли в Палату депутатов?

— Нет, я потерял поражение, как и все наши кандидаты в столице. Объясняется это тем, что с

одной стороны, правительство не хотело, чтобы мы были избраны, а с другой — наша партия еще слишком молода и не успевая завоевать расположения народных масс. Изобретательная кампания навела меня на мысль создать двухнедельную сатирическую газету. Эта газета получила название «Ми ва заль Гопель». А недавно я получил приглашение одной студии кинохроники, предложившей мне перенести социальную сатиру на экран. Сейчас мы уже работаем над этим.

— Получили ли вы национальные премии?

— Да, в 1950 году я получил первую премию «Ассоциации издателей» за работу в области коммерческой иллюстрации. В 1951 году мне была присуждена премия «Национальным салоном графики» за граюру «Бегство».

РАСТЕТ СПОРТИВНАЯ СМЕНА

В списках победителей всевозможных состязаний за последние годы все чаще начинают появляться имена юной девушки школьного возраста. Юные спортсмены смело выступают в борьбе с опытными мастерами и нередко оказываются победителями. Так, например, случился на последнем первенстве Советского Союза по акробатике, где исключительный успех выпал на долю 13-летней школьницы Нины Никшифоровой.

Принять участие в первенстве страны Нине разрешили в виде исключения, и никто, конечно, не предполагал, что эта девочка с редкими косичками станет серьезной соперницей многих известных спортсменов. Однако с самого начала состязаний девочка, необыкновенно гибкая фигуристка Нина Никшифорова привлекла к себе всеобщее внимание. Уже после обязательной программы она уверенно вышла в финал соревнований с большим подъемом выполнила произвольные упражнения. Когда к подиуму почта были вызваны победители чемпионата, то этого спортсменки была одна, Нина Никшифорова, ученица 5-го класса 2-й средней школы города Яхромы.

Многие юноши и девушки добились больших успехов по другим видам спорта. Третье место в списке сильнейших юнцов СССР заняла в прошлом году 13-летняя ленинградка Лариса Викторова, проплывшая на спине 100 метров за 1 минуту 17,1 секунды.

Недавно 17-летняя ленинградка Андрей Потанин за достигнутые выдающиеся результаты официально признан вторым теннисистом Советского Союза. Деятели классике 2-й Тавловской средней школы Томаас Девур на год моложе Потанина. Но и он известен сейчас как замечательный теннисист. А его ровесница московка Ана Дмитриева, ученица 3-го класса 635-й средней школы на том же первенстве сумела добиться сдельного места среди женщин.

Нелегко стать мастером спорта по гимнастике. Желание и упорный труд помогли этому спортсменам 16—18-летнего возраста получить это высокое звание. Однако долгое время никто из них не удавалось стать призерами на всевозможных первенствах по спортивной гимнастике. Первой этого добились студентка Воронежского университета Тамара Люкина.

Более ста спортсменов от 13 до 18 лет в разное время добивались призовых мест и рекордов по шестнадцати видам спорта. Тридцать три из них были даже чемпионы страны или показывали лучшие достижения, чем взрослые.

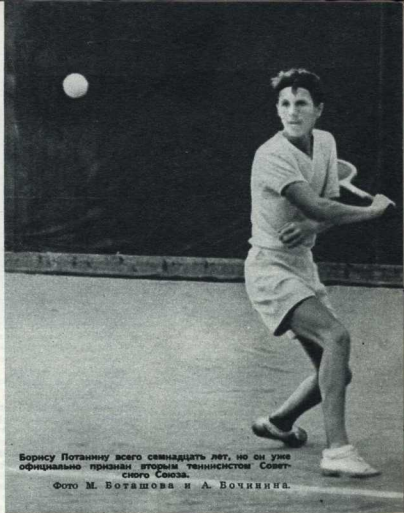
Спортивная смена продолжает расти и совершенствоваться свое мастерство.

Лус КОРДОВА
(Перевод с испанского.)

Г. ЕЛЕНСКИЙ,
судья по спорту всевозможной категории.

Удивительно пластичны и грациозны движения гимнастки Тамары Лухиной. На последнем чемпионате мира в сумме многоборья набрала 725 баллов — всего лишь на 0,1 балла меньше, чем прославленная Лариса Латинина!

Борису Потанину всего семнадцать лет, но он уже официально признан вторым теннисистом Советского Союза.
Фото М. Боташова и А. Водичина.

Никто не предполагал, что 13-летняя Нина Никифорова станет серьезной соперницей многих известных спортсменок. Но вот мы видим эту девочку с русыми косичками на пьедестале почета (2). Она добилась исключительного успеха на первенстве Советского Союза по акробатике. Нина — одна из самых юных мастеров спорта страны.

Звездочка — ленинградка Лариса Викторова. В минувшем году она заняла третье место в спринте сильнейших — плавцов СССР.

ЗА СПИНОЙ ДРУГА

В тот день я шел с работы домой пешком. Не доходя до кинотеатра «Молодежный», я услышал громкие голоса. Мужской возмущенный: «Что не имеешь права!», — и женский кого-то уговаривал. Затем послышался чей-то крик: «Держите хулигана!», — и прямо на меня выбежал молодой человек. Галстук его был сбит на сторону, лицо перекосило от злости. Не раздумывая, я схватил его за руку.

— Отпустите, разве вы не видите! — раздраженно воскликнул кто-то.

Оказалось, я ошибся и схватил пострадавшего. Сам же хулиган не собирался бегать. Он стоял, опустил голову, и говорил: «Вадюк меня в милицию. «Странный, однако, хулиган!» — подумал я.

Подшел милиционер, взял виновного под руку и сказал: «Пострадавшего прошу пройти вместе с нами...»

Но пострадавшего не оказалось, он исчез.

— Это не имеет значения, преступление совершено в общественном месте, — возмущался пожилой гражданин, — а своими глазами видел...

И вот мы — милиционер с «преступником», пожилой гражданин и я — оторвались в ближайшем отделении милиции.

Дежурный следователь стал допрашивать задержанного. Он оказался уроженцем города Ленинграда Андреем Лагутиным, 1933 года рождения, токарем 7-го разряда, членом ВЛКСМ.

— Известна ли вам фамилия потерпевшего? — спросил следователь.

— Известна. Фамилия — Хлебников, зовут — Геннадий.

— Кем он вам приходится: знакомым, сослуживцем, родственником?

— Товарищем был.

— Так... Ну и что же за причина побудила вас затеять драку? Парень молчал.

— Шкодить шкодя, а как отвечать, так з вусты! — заметил пожилой гражданин.

Лагутин с досадой взглянул на него.

— Девушку с товарищем по делил! — усмехнулся следователь.

— Обиженесь...

— Милиционер говорил, что с вами была девушка. Можете, из за нее?..

То ли подбуживали вопросы следователя, то ли Лагутина за-

хотелось подольститься тем, что нахлестало на душе, он вдруг резко повернулся к нам и сказал: — Вы правы: я ударил его из за девушки. Только не в том смысле, как вы думаете: приревновал, мол, и в драку полез. Тут совсем другое...

Лагутин помолчал, словно собирався с мыслями, еще раз хмурясь посмотрел на нас и заговорил: — Я познакомился с Геннадием Хлебниковым примерно год назад. Он в нашей заводской лаборатории техником работает. Помню, проходила однажды читательская конференция. Геннадий выступал и ругал какую-то книгу. Ему аплодировали. Речь его мне тоже понравилась. Потом я как-то зашел к нему в лабораторию. У меня были соображения насчет усовершенствования одной конструкции. Требовался расчет. Геннадий помог мне сделать этот расчет, и мы подали в бригаду заводского предложения.

Так незаметно и подружился. Стали ходить вместе в кино, на танцы. У него была знакомая, Вадя зовут. В общем, очень хорошая девушка и откликнулась к нему исключительно... А он к ней как-то так. Бывало, придем на танцы, Генка ее оставит и пойдет танцевать с другой. Она, понятно, переживает, хотя делает вид, что ей все равно. Я однажды отвел Генку в сторону и говорю, что, мол, неудобно получается, скачует Вадя...

— Ну, а я при чем? — возмутился он. — Это в конце концов эгоистично требовать, чтобы я все время был с ней. Пусть танцует с кем хочет. Я не запрещаю.

— Она ведь с тобой пришла сюда?

— Ну и что же! А мне захотелось танцевать вон с той блондинкой. Разве я не имею права?

Я махнул рукой: — Да танцуй, пожалуйста, с кем хочешь...

Как я уже говорил, мы вместе подали рационализаторское предложение. В бригаде его долго держали без всякой причины. И вот я выступил на общезаводском научно-исследовательском собрании и крепко критиковал главного инженера и начальника бригады Владыкина. Предварительно, конечно, посоветовался с Генной. «Давай, давай, попробуй, из хорошищников», — поддержал он.

Во время перерыва подожду к Геннадию и спрашиваю: — Ну, как впечатление от моей речи?

— Все верно, Андрюша, только, помнишь, надо ли было так резко? Помог же...

Я даже оstoneбная. Сам же вместе с мной возмущался — и вдруг, повернулся. Вдруг слышу за спиной знакомый бас главного инженера: — Пылу-то у вас, Лагутин, много. А вот разобраться глубже в причинах задержки изделия не надо!

Махнул я рукой и пошел прочь. Надо бы как следует рассердиться на Хлебникова, да беда моя — не запомнит, быстро прощю. Буквально через час подошел ко мне Геннадий и как ни в чем не было снова завел разговор о моем выступлении: — Ты не думай, что я так сказал потому, что радом был главный инженер. Ты слишком правокормлен. Жизнь сложна...

Да, он часто любил повторять: жизнь сложна.

В те дни я познакомился с одной девушкой, Линой... Да, да, та самая, которую увидел мичменер около кинотеатра «Молодежный». Я познакомился с ней на заводе. Она окончила техническое училище и была прислана ко мне в бригаду.

Бывало, девчата приходят из училища с пятым разрядом, а по-смотришь на практике, им еще далеко до пятого-того... Это нет. Как включилась, влезла за мной — порт, сразу увидела: зевает дел! Подошел, смотрю: — Промытьте штангелем, — говорю, — здесь допуск еще две сотки, как бы не заропот детали.

— Нет. Заропот еще верный проход, — отвечает.

Промерили — и точно. А я считал, что у меня глазомер хороший. Сделала второй проход. Осмотрел микс какой-то три сотки. Самый ответственный момент. Наклонился она близко к станку, повернула голову назад, и вдруг из-под свившейся косынки выпали волосы. Еще мгновение — и они летают по станку. Я тогда страшно испугался...

— Волосы надо под косынку убирать.

Она виновато улыбнулась: — Я их совсем отрезать хочу, да милое отговаривает.

— Ты же будешь отговаривать.

Через несколько дней я пригласил Лину в клуб.

Раз в два мы были на танцах вчетвером: Геннадий, Вадя, я и Линя. Как только я познакомил Геннадий с Линой, он сразу пригласил ее танцевать.

Противалась один раз и подмигнув мне: мол, одобрю твой выбор. Чудак тоже! Я и сам отвлеченный, что таких, как Линя, помнит.

Бригада наша считалась не то чтобы передовой, но недалеко от этого. Начальник цеха Сергей Иванов не раз говорил мне: «Подмигни, Лагутин, на первое место по заводу выдвигает». Помню, я раньше раздосадуно относился к его словам, а тут как-то досада взяла. «Действительно», — думаю, — почему, скажем, Сергей Власов из третьего механического может норму втрое перевыполнить, а мы не можем? Собрав бригаду, поговорил с ребятами. Как взгляды, — 480 процентов в один месяц равняют! Тут же на собрании забавно: наряды не рассчитывают, нормы проверяют, не верят. Чего там не верить, все точно!

Приехали из газеты. Корреспондент ясе допытывался, как мы этого добились за три часа. А раз в скажешь, за счет чего? Тут надо два месяца стоять у станка и слот-

ать, тогда понятно станет. Словом, я отослал его к Лине.

Через несколько дней в газете появился ее портрет и статья корреспондента. Про Линю все подробно описано: где училась, когда на завод пришла. И про меня тоже написали: мол, передо мной опыт молодежи. Сергей Иванов даже рассмеялся. «Табь», — говорит, — Лагутин, уже за молодежь не считаешь.

Только Геннадий отнесся ко всему недоброжелательно: — Радуйся, — говорит, — теперь из тебя выстрою новатора сделают.

— Что значит «сделают!» — спросил я.

— Разгудот. Или ты действительно считаешь себя новатором?

— Ну, чего ты летушишься! Никем я себя не считаю. И не стремился, чтобы моя фамилия где-то фигурировала.

— Знаешь! — подмигнул он. — Наверное, все вечеру на участке просиживал, а от меня скрылся.

Чудак тоже! Ну где там просиживать? Радуйся, правда, было, а теперь не раз в два. Как и некогда. Я вешью купил мотоцикла, и мы с Линой часто за город ездили. Как вырвешься на простор, пригнесь к рулю, кренясь влево-вправо, — Лисбона она тут километра на сто в час! Обернешься на мгновение назад: у Лины волосы выбились из-под косынки, губы раскрыты, взгляд — дельно-дальний. Лисбона она тут так! У нее на терлава, чтобы кто-нибудь шел впереди.

Как-то вызвал меня к себе Сергей Иванов.

— На московском заводе монтируют наши агрегаты, — сказал он. — Просни прислать туда несколько наших специалистов, знающих оборудование. Хотим из вашей бригады одного толкового человека! Или, может, сам съездишь?

— Надого? — спросил я.

— На недельку, но больше.

— Хорошо, подумаю.

Я подошел к Лине и спросил, не хочет ли она побывать в Москве.

— Ой, да это просто замечательной! — обрадовалась Линя. — Я давно об этом мечтаю.

— Отлично. Иди в начальнику цеха и скажи, что едешь.

— А ты те едешь?

— Нет...

Линя задумалась.

— Линя, молвай, не стой! Скоро отпуску. Ну поговори, Андрей!

— Смотри, — говорю, — как тебе лучше.

В обед я встретил Геннадия. Он был в приподнятом настроении. Сказал мне, что собирается поехать он мне. — От завода посылают в Москву группу высококвалифицированных специалистов. Возможно, и мне удастся поехать.

— Если поедешь, встретись с ней на неделе, но никак не получалось. Но вот мы с Хлебниковым получили премию за второе рационализаторское приспособление.

Геннадий предложил поехать с нами, но я решил пойти в ресторан. Озвучивший поведением Лины, я выразил сомнение: «Согла-

сится ли Лина? «Согласился! — заверил Геннадий. И действительно, она согласилась.

— А почему не пришла Валя? — спросил я, когда мы сели за стол.

— Она нездорова, — ответил Геннадий.

Наступило молчание. Все мы трое чувствовали какую-то неловкость. Но мне казалось: стоит что-то сказать, что-то сделать — и все станет на свои места. Я искал это «что-то», но каждой фразой лишь увеличивал неловкость.

За соседним столиком сидела веселая компания, в которой находился и молодой инженер-технолог с нашего завода Виталий Тарновский, тоже ездивший в Москву.

— Гена, смотри, Виталка пьян, — вдруг, улыбаясь, сказала Лина.

Помню, меня удивило это фамелиарное «Виталка».

— Что, и он здесь? Как приятно! Вы меня извините, друзья, я сейчас.

Геннадий ушел за соседний столик, и мы остались одни.

— Лина, в чем дело? Почему у тебя такое настроение? — спросил я.

— У меня очень веселое настроение...

И вдруг она стала задавать мне вопросы:

— Андрей, скажи по-честному, чи это рационализаторские предложения: твои или... не твои!

— Просто почему ты спрашиваешь?

— Просто так... Андрей, скажи... Лина секунду помедлила, будто не решаясь продолжить... скажи, ты никому ничего не говори о наших взаимоотношениях!

— Нет. Вот только если Геннадий, когда просил его позаботиться о тебе в Москве. Но что ж худого в этом!

— Ах, я не о том! Скажи откровенно, что у тебя произошло с Эммой?

— То есть как, не понимаю...

Эмма работает на нашем заводе чертежницей, у меня с ней хорошие товарищеские отношения.

— Ну не хочешь, не рассказывай...

До чего же я тогда был слеп! Сейчас-то я отлично понимаю, чем все это было вызвано. Геннадий наболтал, будто в наших рационализаторских предложениях мысли все его, а я, мол, так — сбюки прилепа. Принимал мне какую-то историю с Эммой, в которой я, судя по тому, как Лина играла нехорошую роль. В общем, наговорил бог весть что...

Такой подлости я не ожидал. Подосел Геннадий, а следом за ним фривольный тип из компании Тарновского и пригласил Лину танцевать.

— Ты не знаешь, что все это значит? — обернулся я к Генке и увидел улыбающегося мне бы Тарновского. Кивая в сторону танцующей Лины, он спрашивал Геннадия:

— Ну как, подгазуются дела? Геннадий едва заметно подмигнул Тарновскому, как бы предупреждая дальнейшие вопросы.

— Ты ведешь себя по отношению ко мне и к Лине скверно... тихо сказала я. — Товарищ, называй меня Лягушка или всякого вздора!

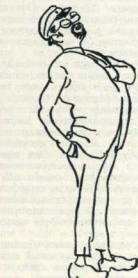
Геннадий поблелел, хотел что-то ответить, но в это время вернулась Лина. Я встал из-за стола и подошел к ней.

— Уйдем, Лина, отсюда!

— Я подожду, — проговорила

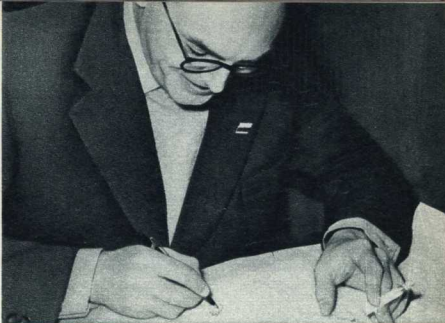
Гости из Дании

Н едавно в гости к студентам Московского университета приехал известный датский художник Херульф Биэструп. Он побывал в учебных аудиториях, в актовом зале, в спортивном клубе, зашел в студенческое общежитие.

— В таком университете, — сказал он, — мне кажется, невозможно учиться иначе, как на «отлично».

В дружеской беседе художник рассказывал студентам о своей работе в жанре политической сатиры, о том, как он ищет темы для карикатур, о новых рисунках и планах на будущее. В заключение студенты попросили Биэструпа сделать несколько зарисовок — первые впечатления от Московского университета.

— О, для этого мне не хватит бумаги! — пошутил художник и взялся за карандаш.

На листе бумаги появилась фигура напыщенного человека с модной бородкой и в студенческой шапке.

— Датский студент считает себя господином интеллектуальной мысли и поэтому страшно раздражен, — улыбаясь, пояснил Биэструп. — А вот так же представляю его в Московском университете.

Куда девалась прежняя веселость! Маленькая фигурка с бородкой затерялась где-то у подножия огромного адянина МГУ.

— Мне очень понравился ваш университет, — продолжал Биэструп. — Но лучше всего у вас люди.

Художник сделал еще один рисунок: датский и советский студенты обмениваются рукопожатием, символизирующим их дружбу. На прощание студенты университета попросили Херульфа Биэструпа передать горячий привет студентам Дании, всей датской молодежи.

Ю. ВАСИЛЬКОВ,
студент факультета журналистики МГУ

она сухо. — И вообще никому не позволю раздражаться мной...

— Не поспешите! — воскликнул я, уже не сдерживаясь. — А разве не видишь, что он выставляет тебя на посмешище!

Лина взглянула на Геннадия, как бы ища у него опровержения моих слов, и вдруг разразилась. Мне стало так жаль ее, что я уже не думал о том, будем ли мы когда-нибудь вместе, но твердо решил: любыми путями выведу ее изпод его влияния...

Было ясно: Лина неравнодушна к Геннадию. Но я знал и другое: у Хлебникова нет никакого чувства к девушке, он просто завлекает ее. И поэтому я сказал Геннадию, чтоб он оставил Лину в покое, не сбивал ее с толку. Но

он не послушался. Пользуясь неопытностью и простодушием девушки, он продолжал свои ухищрения. Вот и сегодня, случайно увидев его около кинотеатра «Молодежный» — он ждал Лину, у сына заговорил с ним о том же самом. Но он ответил мне сальной грубостью, и я удерил его.

Ну, вот и все.

Завонял телефон. Следователь взял трубку, бросил быстрый взгляд на Андреса и вышел. Минут через пять он вернулся.

— Ну что ж, кажется, все ясно. Подпишите протокол, — сказал он. Лягушки подписали протокол и вышли. Несколько минут мы сидели молча. Вдруг следователь сделал нам знак подойти к нему.

Мы увидели, как из подъезда вышли двое: Лягушка и девушка в лакейском пальто.

— Лина! — спросили мы.

Следователь кивнул головой.

— Товарищ старший лейтенант, по-моему, надо прекратить дело, — сказал пожилой гражданин.

Я присоединился к его мнению.

— Посмотрим, посмотрим, — заметил следователь. — Вот, видите, они помирились.

— А может быть, и не нужно было этого мифа! — засомневался пожилой гражданин. — Ведь она же фактически обманула его.

Жить же с человеком, на которого нельзя положиться, я бы, знаете, не согласен.

А что скажут обо всем этом читатели?

ТАЙНА «ГРИНЧЕСЫ КАШМИРА»

РАССКАЗ АНАНТА ШРИДАРА КАРНИКА

(Продолжение. См. «Смену» №№ 1 и 2)

В апреле 1955 года экипаж индийского самолета «Принцесса Кашмира» получил задание доставить в Бангунг, на конференцию солидарности стран Азии и Африки, представителей народного Китая. После вылета из Гонконга, когда «Принцесса Кашмира» находилась над океаном, в самолете вдруг взорвалась бомба, подложенная чьяй-то преступной рукой. Возник пожар, загорелось правое крыло самолета. Капитан Джаттар решил посадить горящий самолет на воду. Из двенадцати человек во время катастрофы спаслись только три члена экипажа: Карник, Диншит и Патхак. Эти единственные люди упорно боролись за выживание. Ничто не сломило их волю. Когда ночью потерялся Патхак, Карник и Диншит остались один в открытом море. Они поднялись стойко перенести все испытания и спастись хотя бы ради того, чтобы повести человечеству в эфире, иертивами которого стали экипаж и пассажиры самолета. Карник и Диншит соревновали узлом тесемки своих спасательных поясов и попалим рядом.

ЗАГАДОЧНЫЕ ОГНИ

Во время короткой передышки Диншит снова посмотрел на часы. — Пора бызойти луле,— сказал он.—Хоть бы на минутку выглянула из-за облаков.

Но луна и не собиралась показываться. Тули заволокли ее небо, и мы напрасно искали просвета в непрозрачной черной полете над нами. Такая же мутная перлаборона царила вокруг нас. О том, что остров не было видно, и говорить не приходится,—они словно растворились в темноте. И опять где-то в глубине души зашевелилось гнетущее чувство тревоги. Больше сбегаться с пути и окончательно затеряться в океане.

—Смотри, смотри, кто-то подает нам сигналы!—крикнул Диншит, прервав мое веселее размышления.

Динши был прав: адала мерцак какой-то слабый огонек.

—Да это же море! Проклятые волны мешают разоборать сигналы!—с досадой воскликнул Диншит.

Из членов экипажа «Принцесса Кашмира» только трое знали азбуку морзе: Джаттар, Диншит и Патхак. Динши почему-то был уверен, что это сигналит Джаттар.

Но как часто мы оба ошибались в ту ночь! Мерцающий огонек так же неожиданно исчез, как и возник. То, что Динши принял за сигналы морзе, вероятнее всего, было игрой волн, временами заслонивших своими гребнями асплывуший на несколько мгновенийтуслый луч света. И все же неожиданное появление этого загадочного огонька азбудоразжило меня и Диншита. Мы настроились и еще больше напрягли зрение. Прошло несколько минут томительного ожидания, и слева от нас вновь замаяк огонек. Это могла быть лампочка спасательного пояса. Мы с Динши обрадовались, предположив, что кто-то из наших друзей уже подплыл к острову и, значит, принесет нам спасение. Как бы в подтверждение этого приблизительно в двухстах ярдах от нас вспыхнул яркий свет и во мгновение схватил шлюпку. По засеребрившейся воде

скользнул лун прожектора. Он все ближе и ближе подбирался к нам и, на мгновение ослепив нас, поглотил.

Мы с Динши по-разному объясняли это немаловажное для нашей судьбы событие. —Это нас разыскивают,—сказал Диншит.—Наверное, Патхак уже достиг берега, сообщил местным жителям о нашем бедственном положении, и они спешат к нам на помощь.

Наивная мысль о рыбаках-спасителях, давно завладевшая Диншитом, оказалась мне теперь более реальной. Однако у меня возникло опасение, что шлюпка с прожектором могла принадлежать и сообщникам тех преступников, которые погубили «Принцессу Кашмира». Они явились сюда под покровом ночи, чтобы замести следы своего подлого злодеяния. Самолет стерел и все, что от него осталось, лежат на дне океана. Теперь надо уничтожить свидетелей гибели самолета.

Чтобы не расстраивать Диншита, я не высказал ему своих опасений. Динши энергично замахал здоровой рукой, направил свет своим лампочкой в ту сторону, где мы только что видели шлюпку. Но все было напрасно. Мы опять остались незамеченными.

До сего времени это странное обстоятельство остается для меня и Диншита неразгаданной тайной. Тут прожектора больше не появлялся. Нас снова поглотила густая темень душной тропической ночи.

Мы привыкли к тишине, и внезапный удар грома заставил нас вздрогнуть. Надгигалась буря. Савирео засмеялся ветер, вздымая горы волн, обрушивая каскады соленой воды. Нас то подбрасывало на пенные гребни гигантских валов, то яростно швыряло обратно в бурлящую пучину. Сляпные зыбиги молний вспыхивали в небе, озаряя каким-то неизвестно куда светом разъяренных огней и низко плывшие над ним рыхлые громады туч. Гудяие раскаты грома сплывались с восем ветра.

Когда шторм уже начал стихать, дательная вспыхла молния выхватила из темноты один из островов. Мы ясно видели на нем согнувшийся под напором ветра холм, и вновь испорядили духом: значит, нас не отнесло а остров!

Гроза сменилась бурным тропическим вихрем. Его косые тяжелые струи хлестали во лицо и глаза. Мы пытались поймать губами хоть несколько дождевых ка-

пель. Но волны все время обдавали нас потоками горькой морской воды, которая попадала в рот, и мы то и дело захлебывались ею.

Ветер постепенно слабел и наконец прекратился зовсе. Воцарилась какая-то странная тишина. Среди посетивших облаков тут и там возникали синие ключа звездного неба. Вскоре из-за тучи выплынула луна. И сразу все преобразилось. На успокоившейся поверхности океана засверкала широкая лунная дорожка. Справа от нее, всего в полумиле от нас, хорошо был виден пологий берег острова, гудя поросшего стройными пальмами. Судя по очертаниям берега, то была явно не тот остров, к которому мы мечтали добраться перед штормом. Но какое это имело теперь значение! Ведь в ключе звездного неба, загоревшемся в бескрайнем просторе океана, как бы сконцентрировались все наши надежды. И мы устремились к нему, до предела напрягая свои истощенные силы.

Течение благоприятствовало нам, и мыплы довольно быстро. Вот уже заскрипел белый прибрежный песок. Еще ярдов сто — и мы будем у цели. Но всеем часом борьбы со смертной жаждой измотали нас, руки и ноги перестали повиноваться, и мы вынуждены были сделать большую передышку. И это — а ста ярдах от берега! Но вот мы снова поплыли, с огромным трудом преодолевая каждый метр.

Прошло уже полчаса или, может быть, больше, а мы все еще плыли и плыли. Вдруг моя рука коснулась чего-то холодного и твердого. Это была подводная скала. Я ухватился рукой за шершавый выступ и с лихованием закричал:

— Диншит, мы у берега! По-смотри, самая настоящая скала!

Я вскарабкался наверх, таща за собой Диншита. Мы уцепились рядом и, тяжело дыша от усталости, со слезами улыбок смотрели друг на друга.

— Живы!—воскликнули мы в один голос.

Да, нам чертовски повезло! Смерть оказалась побежденной. Теперь самое страшное было позади.

ДВА РОБИЗОНА НА МАЛЕЬКОМ ОСТРОВЕ

— Хватит сидеть,—торопил меня Диншит.—Надо скорее перебраться на остров.

Но мне от усталости не хотелось двигаться с места, и я предлагал:

— Давай проведем здесь остаток ночи.

Взглянув на светящиеся средним часам, которые показывали половину второго, Дикси с беспокойством заметал:

— Сейчас отлив, а когда утром начнется прилив, нас смоеет с этой пологой скалы, особенно если мы будем в это время спать.

Мне все же удалось уговорить Дикси отойти от скалы хотя бы еще полчаса. Кое-как вытаращив на узком каменном ложе одержавшие меня, я привстал ко сну волею, чтобы не заснуть. Пока я лежал с открытыми глазами, борясь со сном, Дикси торопливо распутовывал узел, который так крепко связывал нас во время самых трудных испытаний.

— Мы с тобой, Карник, будто вновь родились сегодня! — сказал Дикси, развязывая последние тесемки наших спасательных поясов.

— Поскольку отныне мы вправе считать себя близнецами, — добавил я, — предлагаю ежегодно записывать даты рождения, справлять наш день рождения...

Тридцать минут протекли незаметно. Я попробовал есть, но ноги так онемели, что еле-еле выдерживал вес моего тела. Дикси же, который гораздо больше, чем я, пострадал во время катастрофы, совсем не мог обойтись без моей помощи. Невероятных усилий и мужества нам сплести со скалы в воду. А плыть было еще труднее. Меньше ста ярдов оставало до острова, но каждая фут — давался нам ценой огромного напряжения. Мы плыли крайне медленно, лавируя между пологими скалами, которых здесь было много.

Когда скалы кончились, мы почувствовали под ногами гладкое песчаное дно. Теперь нам предстояло пройти по мелкому месту не более двадцати ярдов.

Как влюбленные в наше состояние, как передавая радость, охватившую нас, когда, сделав последние несколько шагов, мы очутились на берегу!

Обессиленные, но неказанно счастливые, мы растянулись на мягком песке. И как раз в эти блаженные минуты мы услышали рокот мотора. По звуку нетрудно было определить, что летит «Дакота». Мы ее омыслили. Самолет стремительно прошепс вад островом и скрылся из виду, но сейчас мы находились на твердой земле, и гул моторов на этот раз не так возмывал нас.

Мы сбросили с себя спасательные пояса и повернулись лицом к морю. Камень сползновения и ласково казалась ому в синни дун-

ной ночи! Мы подумали о своих товарищах. Нам так хотелось верить, что они тоже спаслись и находятся, возможно, поблизости. О Паткаме мы меньше всего беспокоились, ибо знали, что он отливочен.

Я помог Диксиу сесть. Малейшее движение причинило ему боль. У меня силно ныла порезанная ступня. В засверкавший ветер, и мы оба задрожали от холода. Но смертельная усталость ододела меня, и я анал в забыть. Когда отпустил безмятежный сон, силенне неба все так же ярко сиял месяц и верхушки пальм словно светились, тронутые лунным серебром.

Дикси крепко спал. Я повернулся набок, чтобы заслонить его от холодного ветра, и сам мною воню угнул.

МЫ СНОВА УВИДЕЛИ СОЛНЦЕ!

Когда я проснулся, уже рассвело. Наш островок под первыми лучами солнца выглядел на редкость живописно. Но мне так мучительно хотелось пить, что ничего, кроме мыслей о воде, не шло в голову.

Диксиит все еще спал. Я не хотел будить его и один отправился на поиски ручья над родника. Шел я очень медленно, едва передвигая израненные ноги. Глаза мои не проносили ни одной капли, ни одной трещины на влажной от росы земле. Хоть бы лужица какая-нибудь попалаась! Но воды нигде не было.

Возмущенная и вечерней буре, я стал искать кокосовые орехи, которые мог сорвать ветром. И опять мне не повезло. На траве лежали только прогнившие, затвердевшие плоды, а которые уже не было ни молока, ни съедобной мякоти. Я поднял один из них и хотел сбить им с дерева свежий плод. Первая же попытка показала, насколько я ослаб: выше десяти футов мне не удалось бросить орех...

Оставалось одно — попытаться влезть на пальму. Я уже начал присматривать подходящее дерево, как вдруг услышал крики:

— Хой-йя! Хой-йя-а!

Ко мне приближалась небольшая группа людей в длинных белых рубашках и черных шталопах. Трое из них держали в руках поблескивавшие на солнце кривые ножи.

Забыв о мучившей меня жажде, я, насколько это было в моих силах, поспешил обратно к Диксиу. Быстро идти я все-таки не мог, и расстояние между мною и людьми в черных шталопах сокращалось с каждой секундой.

Я остановился взоле спящего Дикси, чтобы в случае необходимости защитить его, даже если это будет стоить мне жизни.

Не прошло и минуты, как люди в черных шталопах оказались не более чем в пятидесяти футах от нас. Они остановились, а один из них — тот, который был без ножа, — подошел ко мне. Согнув руку в локте и слегка наклонившись, он сказал:

— Хай-ам.

Я продолжал то же самое и с вождением стал ждать, что будет дальше.

Когда подошли ближе и остальные, я заметил, что все они чем-то напоминают китайцев и что

их кривые ножи не что иное, как беспримыслия принадлежность земледельца, нечто вроде серпов.

Самый пожилой из незнакомец с видным сочувствием посмотрел на мое окровавленное ногу и подошел к Диксиу, который только сейчас проснулся. Я не знал, что происходит.

Дикси сделал безуспешную попытку сесть. Я нагнулся, чтобы помочь ему, двое смуглых людей южнее передали мой намерение. Они бросили свои ножи на землю я, подбежав к Диксиу, осторожно приподняли его.

Скоро убогого жестом попросил их захватить. Один из молодых людей протянул ему пачку сигарет. Я прочел на этикетке слово «Шанхай». Это несколько успокоило меня, я желал рассказать, кто мы такие, я начертил на песке самота, и, как мог, изобразил, что он потерял катастрофу. Затем, показав рукой на кокосовую пальму, я объяснил, что нам страшно хочется пить.

Старик что-то сказал стоявшему воле него юноше, и тот побежал к бамбуковой роще, а те, что остались с нами, развели костер. Это было как летняя катая, так как с моря опять подул холодный ветер.

Скоро вернулся юноша, неся на плече длинный бамбуковый шест. Подойдя к первой попавшейся пальме, он повсюду удаля концом шеста по свисавшим с ветвей крупным плодам. Несколько орехов упало на землю. Подняв их, юноша срезал верхушку, верхушку и дал нам по ореху. Мы залпом выпили сладкое кокосовое молоко и с наслаждением съели всюкую мякоть. Немного погодя юноша сбил шестом еще несколько плодов, и мы наконец утолили жажду.

Маленький остров, который сначала казался мне таким загадочным и чужим, теперь претстал предо мной совсем в другом свете, а люди, которых я сначала принял за разбойников, оказались приветливыми, добрыми, отзывчивыми людьми.

Через некоторое время кто-то из них принес термос и алюминиевую ложку. Нам дали по стакану орехового чая и угостили свежими лешешками из саго с сахаром. Это было настоящее биринство!

После завтрака завязалась беседа на языке жестов и с помощью примитивных рисунков. Чтобы узнать, где живут и чем занимаются наши новые знакомые, я шаровал на песке дом и являл рубу. Этим изобразил дом, я шаровал, но не занимаюсь я шаровал не занимаюсь? Старик инвуд в сторону северной части острова и пригласил нас последовать за ним. Перея-

зав Диксиу болюну руку густком, который болтался на моем спасательном поясе, я хотел ему помочь, подняться, но тотчас же нас обоих подхватили чьи-то сильные руки, и поддерживаемые друзьями, мы тронулись в путь.

Скоро мы вышли к небольшой бухте, где на воде покачивались три рыбацкие лодки... Итак, мы снова вернулись к цивилизации: чай, сладкие лешешки из саго, сигареты и, наконец, лодки. Казалось, желать большего уже нельзя было.

Обойдя бухту, мы прошли еще немного и очутились у одинокого стоявшего на берегу хижины. Когда мы вошли в нее, старик ку-да-то исчез.

(Продолжение следует.)

«ПРЕДСТОЯТ БОЛЬШИЕ ДЕЛА...»

Друзья! Представьте на минуту огромный литейный двор, гудящую доменную печь... Горнозасой пробивает гикой латуку, и тотчас же по узкому желобу устремляется ослепительно яркий поток чугуна...

Да, у нас, в Темир-Тау, пока что можно лишь представить себе и мощные доменные печи, и большегрузные мартены, и могучие прокатные станы. Мы только начали создавать в карагандинской степи металлургической завод — новую Магнитку, которая даст стране десятки, сотни миллионов тонн чугуна, стали, проката.

Наступивший 1958 год знаменателен для меня тем, что я встретил его на новом месте — в Темир-Тау. Правда, то же самое могут сказать еще тысяча двести юношей и девушек, которые приехали сюда по комсомольским путевкам. Назову нашу стройку назвали молодежкой. С этой стройкой связаны мои первые большие радости. Здесь я стал бригадиром комсомольско-молодежной бригады, почувствовала себя настоящим бойцом переднего края нашего грандиозного трудового фронта.

Бригада наша дружная, слаженная. Мы первыми в тресте «Казметаллургстрой» освоили крупноблочный монтаж домов скоростными методами и стали возводить постройки не за три-четыре месяца, как это было раньше, а втрое быстрее. Годовой план бригада выполнила еще несколько месяцев назад. Многие из нас совмещают работу с учебой: мои земляки-армавирцы Галина Беденкова и Люба Шепель, например, занимаются в вечернем техникуме, Даниил Будинцев — в школе рабочей молодежи.

В начале декабря строители металлургического завода начали укладку бетона в армированный котлован первой доменной печи — крупнейшей в Советском Союзе. Молодежь стройки взяла шефство над доменным цехом и обязалась закончить монтаж первой печи к сорокалетию комсомола.

В новом году нам предстоит большие дела. Надо будет ввести в строй теплоэлектростанцию, широко развернуть строительство доменного цеха и коксовых батарей, пустить на полную мощность кирпичный и железобетонный заводы, проложить новые улицы, построить жилые кварталы, клубы, детские сады...

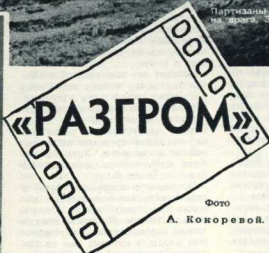
ЮРИЯ ЛЕГАСХОВ,
бригадир комсомольско-молодежной бригады
каменщиков, Темир-Тау.

Партизаны ливанной устремились на врага. Оскадрон белых драгунов.

Командир партизанского отряда Левинсон.

Фото

А. Кокоревой.

На экране — тайга. Как бы с вершины самого высокого дерева мы обозреваем ее бескрайние, уходящие за горизонт дали. Будет таежный покой нарушается дробным стрекотом пулемета. На лесной поляне завязывается короткая схватка партизан с белоказаками. Падают убитые, раненые. Вот к лежащему на земле юноше в кургузом городском пиджаке подлетает всадник. Он помогает раненому взобраться на лошадь и так же быстро исчезает.

Так начинается фильм «Разгром», поставленный выпускниками Вессовского государственного института кинематографии Борисом Рыцаревым и Михаилом Калком по одноименному роману Александра Фадеева. Это их дипломная работа.

Впрочем, следует оговориться, что «Разгром» — дебют не только молодых режиссеров, но и почти всего коллектива, создающего новый фильм. Большинство его участников — молодежь, недавно покинувшая институтские аудитории.

Перед создателями кинокартины «Разгром» стояла сложная задача — воплотить в живых образы, показать на экране бессмертных героев классического произведения советской литературы, правдиво передать героический пафос революционной борьбы, в которой и смерть звучит как торжество

— Что-то финтиль ты, двена...— крило, с расстановкой сказал Морозан Варе.

новой жизни. Фильм делали молодые люди, и естественно, что в сложном переплетении чувств, характеров, страстей, изображенных писателем, они в первую очередь стремились найти и донести до зрителя то, что особенно близко и дорого нашей молодежи.

Известно, что любая экранная не может во всех деталях следовать литературному источнику. Некоторые сюжетные отступления, сокращения, замены неизбежны. Но верно передать мысль, идею художественного произведения, легшего в основу инсценировки — обязанность постановщика. Работая над кинофильмом, моло-

Метелица поднялся на крыльцо. Теперь он был хорошо виден собравшимся крестьянам. «Что знает этого человека?» — спросил офицер в плаще, обведя всех острым, сверлящим взглядом.

дые режиссеры, сценаристы, операторы, актеры направили свои усилия на то, чтобы не просто показать события гражданской войны с современностью, подчеркнуть мотивы, созвучные нашей эпохе.

Насколько все это удалось молодым энтузиастам, окончательно можно будет судить, когда фильм выйдет на экраны. Сейчас мы расскажем о том, как снимался «Разгром».

... Борис Рышарев и Михаил Калки подружились еще на третьем курсе. В тот год на режиссерском факультете начались первые совместные учебные постановки, а когда пришла пора готовить диплом, для Бориса и Михаила было ясно, что эту ответственную работу они должны делать вместе.

Немало споров было о том, какую тему взять для диплома. Идеи в голову приходили разные. Наконец, по совету руководителей курса профессоров С. И. Юткевича и С. К. Скурилова друзья взяли для экранной драмы роман Александра Дзюлова «Разгром».

Эта идея увлекла и дипломантов операторского факультета Наума Ардашишкова, Бориса Седрова и Балы Оразова. К стати, Балы — первый таджик, ставший оператором художественных фильмов. Написать музыку режиссеры поручили молодому композитору Михаилу Таривердиеву, окончившему недавно институт имени Гнесиных. Так из талантливой творческой молодежи складывался коллектив постановщиков. И только художник Сергей Петерсон уже имел опыт самостоятельной работы в кино. Он оформлял картины «Дым в лесу» и «Переполох».

Работа над сценарием заставляла познакомиться со многими архивными и музейными материалами, просматривать сотни метров кинохроники, беседовать с участниками гражданской войны в Приморье. Готовый сценарий, написанный режиссерами в сотрудничестве с выпускницей сценарного факультета Идой Алексеевой, представляли на студию имени Горького. И хотя нашлись люди, которые считали, что нельзя полагать стезю такого ответственного фильма молодым постановщикам, сценарий был одобрен и принят к производству.

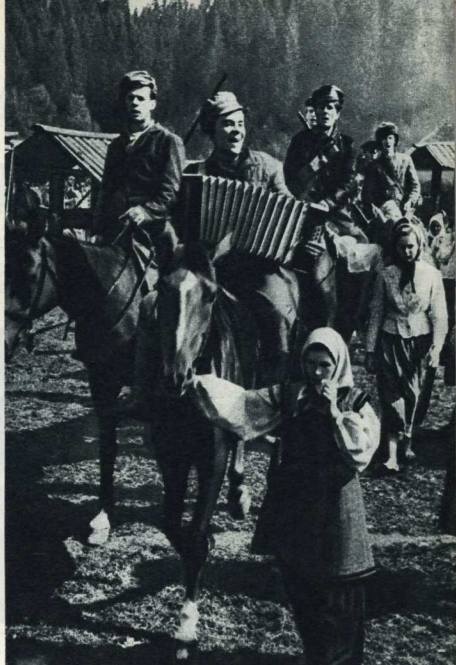
На большинство ролей в кино-

фильме пригласили товарищей по институту. Студент второго курса актерского факультета Виталий Четвериков выступил в роли Метелицы. Нелзянин балтийский моряк, Виталий только начал свой путь в искусстве. С помощью друзей способный юноша упорно искал детали, наиболее правдиво характеризующие сложный и противоречивый образ Метелицы.

Впервые снимался в кино и Инна Выходцева, игравшая Варю, и артист театра имени Маяковского Константин Ерофеев (Чиж). Образ командира партизанского отряда Левашова создал молодой актер театра Советской Армии Александр Кутепов. Это тоже его первая работа в кино. Примечательно, что сейчас Кутепов снимается в роли Якова Ми-

— Что ж, знаете, и мне скучно — интеллигентных людей в отряде мало... — говорил Чиж Метичу.

Проводы партизан.

хайловича Свердлова в кинокартине «Рассказы о Ленине, которую ставит на «Мосфильме» режиссер С. И. Юткевич.

В «Разгrome» участвуют, конечно, не только дебютанты, но и молодые актеры, уже снимавшиеся ранее. Это Георгий Юматов («Морозка»), Геннадий Юхтин (Ме-

телица), дипломник актерского факультета ВГИКа Виктор Терехов (Бакланов).

Большая часть действия фильма разворачивается в тайге. Многие эпизоды снимались в подмосковной деревне Дюдовское, окруженной девственными лесами. Жители Дюдовского охотно приняли участие в съемках. Вот в кинокартине мы видим крестьян, проводжающих партизан, вот перед нами старики и женщины, согнанные казаками, чтобы опознать Метелицу. Это не артисты, а местные колхозники. Причем объяснять им, как играть, почти не пришлось. Содержание сцен было понятно, близко каждому.

В работе быстро делало время. Здоровая, творческая обстановка, дух товарищества помогли молодым энтузиастам закончить картину в сравнительно короткий срок.

... Последние кадры фильма. Десятнадцать партизан вырвались из вражеского кольца. Это все, что осталось от отряда. Всадники стоят на холме, освещенные лучами заходящего солнца. И мы слышим голос диктора:

«Это были ваши отцы и деды, тогда им было столько лет, сколько вам теперь...»

Б. ЮРИН

Чтобы создать эскиз нового красивого, удобного, изысканного платья, Елена Форстшюфер приходится немало исчертить бумаги и отточить карандашей.

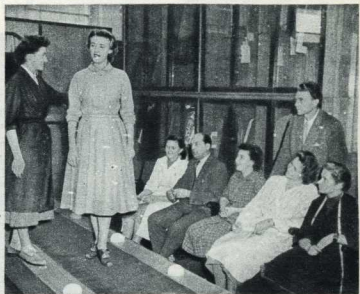
Перевод со словацкого.

ДЛЯ ВАС, ДЕВУШКИ!

Текст и фото Антона Загара

То, что рисует Елена Форстшюфер, ее подруга Мила Халазова перенесет на выкройку, а потом на ткань.

Комиссия строга. Премье чем модель пойдет для серийного производства, в ней необходимо кое-что изменить, улучшить.

Ваши подруги, которых вы видите на этих снимках, работают на фабрике «Манта Пухова», одном из передовых предприятий Словакии, которое прославилось своей продукцией — готовым платьем отличного качества. Здесь шьют главным образом для женщин. А они, как известно, всегда очень требовательны и придирчивы к нарядам. Девушки с Пуховской Маниты хорошо знают об этом по личному опыту и всячески стараются заслужить одобрение заказчиц.

Рождение нового платья, костюма, пальто на первый взгляд начинается довольно просто — с карандашного рисунка на бумаге. Но появляется первый вариант, потом второй, третий, а поиски все продолжаются. Наконец новый фасон готов, и его надо обсу-

дить. Но обсуждаться будет не рисованный эскиз, а готовая модель, шитая пока в единственном экземпляре. Загорятся рефлекторы, и внимание собравшихся специалистов сосредоточится на астрале, куда выходит манекенщица. Замечаний обычно делается немало.

И вот модель одобрена. Теперь ее пустят в массовое производство, десятки готовых платьев нескончаемым потоком пойдут на склад. Останется их упаковать, отправить в Советский Союз, куда идет большая часть выпускаемых изделий, и... ждать. Да, ждать, что скажут наши далекие друзья — юные москвички, киевлянки, ленинградки... Понравятся ли им обновки! Думаем, что да!

Перевод со словацкого.

Быстро движется игла, и надо очень внимательно следить, чтобы линия шва была ровной.

«ПИСЬМА МОЛОДАГО»

Эта книга, выпущенная издательством «Молодая гвардия» уже третьим изданием, составлена из писем комсомолки Веры Хорунной, погибшей в боях, и письма, написанного в польской тюрьме в 1925—1932 годов польской товарищеской партией. Вера Хорунная была сотрудницей и членом ЦК Польши. Ее писемная деятельность в польской Польше была полна опасностей и героизма. Польша находилась в высшей хронической подпольности и арестовала в тот день, когда ей являлось счастье. Шесть лет провела Хорунная в тюрьме. В 1932 году она была освобождена. В 1939 году Веру Хорунную мобилизовали в Великую Отечественную войну. Вера Хорунная работала в Центральном штабе партизанского движения Белоруссии. При выполнении боевого задания Фашистский тыл она погибла. В книге предисловие и третьему изданию писем Веры Хорунной посвящена статья Н. К. Крупской об этом писателе, опубликованная в свое время в «Правде».

— Эти письма производят сильное впечатление,— писала Надежда Комарицкая.— Они передают то, что становится для нас, молодежи. В них не описывается никакая романтика. Писания Веры Хорунной просто, искренне. Но из каждой строки смотрит на нас человек, который один удивительный революционер, борясь за рабоче-дег. Издание «Писем на волю» — хорошее подарок комсомольцам, го- ворящим и 40-летню ВЛКСМ.

«ЭТО БЫЛО В БЕЛОРУССИИ»

Подзаголовок этой книги, вышедшей издательством «Молодая гвардия», очень точно раскрывает содержание — из истории борьбы молодежи в партизанских отрядах и подполье. Автор книги — бывший член ЦК ВЛКСМ Р. Аглова — рассказывает о боевой деятельности комсомольцев в тылу врага, о замечательных делах и беспримерных подвигах молодых партизан и подпольщиков, связанных в годы Великой Отечественной войны в тылу врага, на территории оккупированной территории. Книга написана на основе подлинных документов, документов и иллюстрирована документальными фотографиями.

Многие люди, изучающие историю ВЛКСМ, в книге Р. Агловой находят интересные факты, цифр, примеров.

«МАСТЕРА БЕЛОГО ЗОЛОТА»

Два миллиона восемьсот тысяч тонн «белого золота» сдали Родине хлопководы Узбекистана в 1956 году. Это в пять с лишним раз больше урожая года до революции. Если весь этот хлопок переработать на ткань, то его можно было бы одеть все человечество. В книге интереснейшими подробностями открывается биография секретаря ЦК ВЛКСМ Узбекистана М. Муртазая, вышедшей в издательстве «Молодая гвардия». Автор интересно рассказывает об участии в борьбе за высокие урожаи хлопка в пятидесятках завоевателя на хлопковых полях почетное звание Героя Социалистического Труда.

Опыт работы, изложенный в брошюре М. Муртазая, поможет комсомольским организациям Узбекистана в их борьбе за сбор в нынешнем году трех миллионов тонн хлопка-сырца.

«ПОЧЕМУ Я ПЕРЕСТАЛ ВЕРИТЬ В БОГА»

Под таким заголовком в издательстве «Молодая гвардия» вышла брошюра Евгения Вукувича. Автор этой книги прежде был глубоко религиозным человеком, больше всего он был наивным богобоязником. Убедительно и интересно рассказывает Е. Вукувич о том, как постепенно, после мучительных сомнений и поисков, он разочаровался в религии, перестал верить в Бога, стал убежденным атеистом. «Сознание того, что ты в области сомнений человека, перестав религиозного друга и приняв известную философию — пишет автор в заключительной главе брошюры,— доставляет мне большое моральное удовлетворение».

Телевизионный журнал

Фриц Берггард — один из видных немецких писателей-сатириков. Его новеллы, бытовые очерки, чужды бюрократов, его острые, злободневные фельетоны, разоблачающие пороки западногерманского и новых империалистских систематизируются на страницах сатирического еженедельника ГДР «Ойнеингльинг». Мы публикуем фельетон Берггарда, построенный не на вымысле, а на действительных фактах из жизни Западной Германии.

В старой прусской армии бывало так: когда какому-нибудь инспектирующему начальнику, скажем, во время смотра выдался боевой череп или другим способом втирало очки, то это называлось «сморудить турка». Такое разъяснение потребно лишь потому, что в бонвский будущем вместе со старыми генералами вернулась и старая терминология.

— Вступление в армию НАТО стоотысячного рекрута нужно подать нашему населению в доходной форме и со вкусом,— настаивал генерал своего референта.

Референт, подполковник фон Зибенкирхен, подобно самому генералу изложил вкратце в сухую и пахучую нафталином, в свою очередь, инструктирует по телефону адъютанта:

«Необходимо пригласить работников телевидения и «сморудить турка» по всем правилам. В заключительной сцене стоотысячный новобранец будет лично представлен господню генералу. Некоторое время он будет молча беседовать, а напоследок господни генерал подарит новобранцу свою книгу с собственноручным надписью».

Так точно, господни подполковник! — отвечал адъютант, поклонившись телефонной трубке и щелкая под столом каблучком. — Господам из телевидения и «сморудить турка» по всем правилам и даже более того!

— Прекрасно,— похвалила подполковник своего собеседника, — и потом еще одно не забудьте! Некоторое время он представляется этойкой совершенно неотесанной штатской личностью. Тогда благосклонность генерала будет выглядеть особенно выигрышно.

Понимаю, — сказала адъютант, еще раз поклонившись трубке. — Надеюсь, вы останетесь довольны».

Первый эпизод снимался в кабинете адъютанта генерала.

— Начал! — скондаловал режиссер.

Стоотысячный рекрут, шахтер из Эссена по имени Вилли Шнейдер, вошел в комнату.

— Аа, здравствуйте, господни Шнейдер,— вставая с места и дружелюбно улыбаясь, встретил его адъютант. — Будьте как дома, дорогой мой. Не хотите ли сигаретку? Или, может быть, конфетку? Угоститесь без стеснения. А потом, если желаете, совершим небольшую прогулку по нашему чудесному домику. У нас есть чашек

времени до того, как господни генерал пригласит нас на чашку чая».

Второй эпизод. В одной из комнат казармы три солдата режусь в карты. На столе возле каждого стога бутылка пива и ромка. Уинтер-офицер только что наполнил ромки коньяком.

— Выдле выльте еще по одной, ребята? — заболтливо спрашивает он и только после этого отдаает рапорт: — Доброе утро, господа! старший лейтенант Комната 46-я занимается утренней игрой в карты!

В это время из соседней комнаты неожиданно слышится другой голос:

— Я тебя только сметать крошки со стола, собачий сын! В наказание будешь драться под в казарме зубной щеткой!

Следующий эпизод снимался в полковой столовой, откуда по всем окрестностям разносился аппетитные запахи. Столы были покрыты белыми скатертями и расставлены цветами. Три очаровательные девушки в передничках и в накрахмаленных, осветляющих белых выколых стояли выгнотые. Парвар в расцветном колпаке гостеприимно приветствовал новичка.

— Добро пожаловать, приятель! Ты что предпочитаешь на завтрак: жареного гомуту, ветчину в бургундском соусе, может быть, лососинку?

Вилли Шнейдер остановился на мгновение и взглянул на красное вино. Но в то время, как он ел и пил, чокаясь с адъютантом, со двора казармы через око донесся крикный бас:

— Я вас, мерзавцев, вышлю! Вы у меня начнете ходить в штатские!

Старший лейтенант быстро распорядился включить радио, стоявшую у буфетной стойки, но было поздно. Режиссер сорвало пожелал встать.

Тем временем адъютант вместе со стоотысячным новобранцем вышел на учебный плац. Воздух был наполнен смехом, то так, то саль раздалаась растолстые возгласы. В одном конце плаца граждане в военной форме развлека-

лись игрой «в жучка», в другом пели хором песни, а последние происходили что-то вроде игры в пятнашки. Мимо прошли два солдата с носилками. Украдкой посмотрев в их сторону, Вилли Шнейдер спросил одного из солдат, что случилось.

— Это фельдфебель огрел одного рекрута прикладом по спине,— прошептал солдат, но тут подошел адъютант и стал инстинктивно ругать съезжую группу относительно приема у господни генерала.

Через некоторое время снимался заключительный эпизод. Перед съёмочной камерой стояли генерал и стоотысячный новобранец, на столе были расставлены чашки с горячим кофе.

— Пожалуйста, не забывайте дорогу! Шнейдер,— шапсетывал адъютант,— что вы должны держаться перед генералом как абсолютно гражданский человек».

Генерал с дучкарой улыбкой поднялся навстречу входящему в комнату стоотысячному рекруту, пожал руку, фальшиво потрел по щеку, оземлился, о его ротных, о его лобном вышивке и о том, какие сигареты он предпочитает курить. Шахтер Вилли Шнейдер, виллио, пришел в отличное расположение духа от выликого вина. Он отвечал на вопросы генерала, прощая жевать резинку и не вынимал рук из карманов.

Затем генерал вручил ему книгу под названием «Во главе мой дивизии», протянул руку и сказал, не престаывая ласково улыбаться: «Желано вам всего хорошего, дорогой Вилли. Если у вас есть какое-нибудь желание, скажите, не стесняйтесь. Обещаю вам его выполнить».

Молодой горняк на минуту задумался, дух резинку. Неприятными жестами режиссер подбадривал его.

— Ну, смелее же, Вилли! — снова похлопал его по плечу генерал.

И парень наконец вымолвил: — Знаете, господам генерал, мне хотелось бы назад, домой...

Перевел с немецкого В. БОЕВ.

Рисуюк: И. Лисогорского.

Филька и Зорька

— Бабушка Луна, а тебе кто сюда запустил?

Рисунок Е. Гурова.

Прошлой весной мне довелось увидеть пять инвентарных гусат. За птицами мы ухаживали всей семьей, и они быстро росли. Когда наступили теплые майские дни, мы выпустили выхлывших на лунашку. С каждым днем гусата смелели и стали отходить все дальше и дальше от дома. Добравшись однажды до пруда, что находился возле леса, они повскакивали и немедленно отправлялись туда на купание.

Здесь-то ястребы и подаруляли моих маленьких птенцов, и я не досчиталась двух. А вскоре бездомная сойка задушила другую парочку, и у меня остались только один гусенок, которого мои шестидесятилетняя бабушка назвала по-моему Филькой. Теперь я уже боюсь пускать одного его на пруд, а относи к лунашке, где обитает наша трехместная семья Зорька.

Увидев в первый раз птенца, Зорька подошла к нему, обнюхала и в знак дружелюбия осторожно лизнула его

лунашкой главою. На ночь и запырал Фильку в сарае вместе с Зорькой, а утром выпускал их на лунашку. Филька с Зорькой крепко

подружились. Куда бы ни пошла телка, за ней, смеясь перепрыгивая, пошла и Зорька.

Стоит жарить июльские дни, и я попадаю на абсорбентно-маринованный, что можно было основательно закусить в дом. Утром, в обед и вечером и обычно наливала в умятые свежее водичку. Но прошло несколько дней — и я с удивлением стала замечать, что уж слишком часто мне приходится наполнять чашку рукомоинки. Дней пять, а через час — два в нем уже ни капли. И тщетно осмотрев рукомоинку, не проглотил ли он каких-нибудь насекомых, но ничего там не нашло.

Как-то во время обеда я услышала шум возле рукомоинки. Торопливо отворила дверь, а вылетела муравья и тут же аксикули от удивления. Зорька подтолкнула мордой штырь умяльнянки, как это сделала дедушка, а голова телки на землю. Этим воспользовался Филька. Он нырнул, распустил крылышки, забавно вертел головой и встала, как вальсует, вольства.

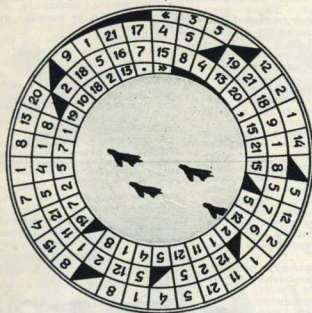
Так вот, оказывается, кто вылетал сюда из рукомоинки!

Н. НИКОЛЬСКИЙ

Листая иностранные журналы...

КРИПТОГРАММА

Составил С. Сыроматников.

Найдите слова, значение которых указано ниже, и разместите составленные их буквы в клетках криптограммы соответственно номерам. Если слова будут найдены правильно, то в криптограмме вы прочтете высказывание К. Э. Циолковского.

1, 16, 1, 4, 7, 18, 14, 4, 18, 2 — приспособление для перевозки различных грузов.

11, 15, 1, 4, 1, 19, 10, 18, 2, 5 — верхние слои атмосферы.

11, 12, 21, 21, 16, 11, 19 — овалыный кристалл.

17, 16, 15, 19, 21, 1, 2, 1, 9 — газ.

1, 16, 2, 13, 21, 1 — часть светового.

11, 9, 15, 20, 2, 6 — порывистое круговое движение воет дула.

11, 17, 18, 21, 18, 1 — мот талл.

Первая страница обложки: Визуально-инструментальный дуэт сестер Бероники и Валерии Зеленских с успехом выступал на художественных номинах Всесоюзного фестиваля молодежи. Недавно молодые артистки побывали на гастролях в Германской Демократической Республике. Творческую работу комсомолки сочетают с учебной — они студентки авторального Государственного института театрального искусства. Фото М. Уразова.

Четвертая страница обложки: С картины художника Р. Манкоста «Юности». Всесоюзная художественная выставка 1957 года.

ПРИТЯЖАНИЯ БЕЗУМЦЕВ

Как сообщает месячный журнал «Темпо», некоторые американские военно-воздушные, выведенные на равновесие неоднократными провалами с запуском пресловутого «Авантюра», в припадке бессильной ярости предприняли... «облет» «свое прародительские», то бишь, советские искусственные спутники Земли. Но этих отвлеченных содвоянов оставил далеко позади своей зурчатоной мистер Джеймс Манган из Чикаго, который намерен провозгласить наш Советский Союз «за незаконное вторжение в его, Мангана, владения». Оказывается, этот предприниматель бизнесмен еще в 1946 году закупил

оптом две звездные пространства, дважды заплатив соответствующую пошлину. «Ничего не имеет права вторгаться в мои владения, граница которых четко определены» — в категорической форме заявил Манган. — Я не потерплю посягательства на мою собственность ни со стороны СССР, ни со стороны США. Ведомостями или какого-либо другого государства».

Добавим, что чикагские юридические власти признали специфическими признаками «безумца», официально подтвердив, что Манган «действительно уплатил пошлину за право владения звездным пространством».

Б. СИДОРИН

НОВАЯ ВНЕШНИЕ КОДУНЫ

По свидетельству австрийско-германского еженедельника «Лас тебе журналь», за последние время в Европе широкое распространение всевозможные мистические поверья.

ребриня провозне подвешено отшлифованная металлическая пластинка. Чтобы означать свою судьбу, женщины в течение тридцати девяти дней читают перед восходом солнца заклинания, надеясь

Главный редактор М. А. Величко.

Оформлене номера В. Урина.

Адрес редакции: Москва, 1-я улица Ямского поля, 28.

Тел. Д-394-24.

А 06523.

Подписано к печати 4/II 1958 г.

Тираж 325 000 экз.

Изд. № 232.

Цена № 79.

Формат бумаги 70x109,6+1

1,75 бума. л.—48 печ. а.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Редколлегия: Г. Гунин, Е. Домогатовский, Б. Егоров, Н. Жуков, М. Лукин.

Технический редактор О. Шева.

В. АЛЕКСЕЕВ

Тесная о лучших друзьях

Слова Льва ОШАНИНА.

Музыка Вадима СЕРЕЖНИКОВА.

Сдержанно. Спокойно *mf* *сильно*

Собра-е-мся, ребя-та, тес-но
- не - е в час, ког-да на зем-ле ти-шина. Вос-по-ми-м тех, кто ле-ген-ды о ве-я-ни, вос-по-ми-м луч-ших дру-зей и ме-

Хор
- на. На бор-ьбу и на под-виг су-ровый ком-со-льское серд-це го-то-во. Вос-по-ми-м
тех, кто ле-ген-ды о ве-я-ни, вос-по-ми-м луч-ших дру-зей и ме-я-ни. а в крас-но-й - на.

Для повторения *Для окончания*

Соберемся, ребята, теснее
В час, когда на земле тишина.
Вспомним тех, кто легендой овая,
Вспомним лучших друзей имена.

На борьбу и на подвиг суровый
Комсомольское сердце готово.
Вспомним тех, кто легендой овая,
Вспомним лучших друзей имена.

В краснодонских степях не померкнет
Их взволнованный голос живой.
Вел друзей, не боявшихся смерти,
Красноонец Олег Кошевой.

На борьбу и на подвиг суровый
Комсомольское сердце готово,—
Вел друзей, не боявшихся смерти,
Красноонец Олег Кошевой.

Не туманились очи слезою,
Врзля злорада сломить не смогла,—
И московская девушка Зоя
Зимней ночью в бессмертье вошла.

На борьбу и на подвиг суровый
Комсомольское сердце готово,—
И московская девушка Зоя
Зимней ночью в бессмертье вошла.

Мы выходим в весенние росы,
Не сдержат нашей силы размах.
Лица Чайкина, Саша Матросов,
Вы не умерли в наших сердцах!

На борьбу и на подвиг суровый
Комсомольское сердце готово.
Лица Чайкина, Саша Матросов,
Вы не умерли в наших сердцах!

Нас великая партия учит
Славить Родину верным трудом.
По примеру друзей наших лучших
Мы не зря на земле проживем.

На борьбу и на подвиг суровый
Комсомольское сердце готово.
По примеру друзей наших лучших
Мы не зря на земле проживем.

Соберемся, ребята, теснее
В час, когда на земле тишина...
Вспомним тех, кто легендой овая,
Вспомним лучших друзей имена.

На борьбу и на подвиг суровый
Комсомольское сердце готово.
Вспомним тех, кто легендой овая,
Вспомним лучших друзей имена.

Цена номера
2 руб.

